

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

И.Р.

**СВ. ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ,
АРХИЕПИСКОП
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ.
ЕГО ЖИЗНЬ И ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ**

Под редакцией еп. Никанора (Каменского)

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВЯТЫЙ ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ

Архіепископъ Константинопольскій.

ЕГО ЖИЗНЬ

и

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ.

Сост. И. Р.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА, ЕПИСКОПА
АРХАНГЕЛЬСКАГО И ХОЛМОГОРСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул. № 10
1895.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатати
дозволяется СПб. 6 Декабря 1895 г.

Цензоръ Архимандритъ *Василій*.

Жизнь Св. Григорія Богослова.

Дѣтство и юность св. Григорія.

Въ то время, когда ереси Арія, Евномія, Аполлинарія, духоборцевъ и другихъ еретиковъ съ ужасающею силою волновали Востокъ и Западъ, въ ряду первыхъ защитниковъ православной вѣры и Церкви явился человекъ, родомъ изъ незначительнаго мѣстечка Каппадокійской области, Арианза, въ простой и бѣдной одеждѣ, съ нѣсколько согорбленнымъ станомъ, съ головою, почти непокрытою волосами, съ некрасивымъ складомъ лица, изнуреннаго слезами, постомъ и бдѣніемъ, съ руками, загрубѣвшими отъ черныхъ работъ, съ грубымъ каппадокійскимъ произношеніемъ, но съ рѣдкими дарованіями ума, съ глубокимъ и основательнымъ знаніемъ Св. Писанія и твореній отеческихъ, съ изумительнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какія до тѣхъ поръ «собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады—Аеины», съ краснорѣчіемъ строгимъ, рѣзкимъ и величественнымъ, съ душою пылкою и прямою, неумѣвшею привязываться къ чему бы то ни было на половину и чувствовать что бы то ни было слегка. Это былъ Св. Григорій Богословъ (см. Христ. Чтен. 1861 г. ч. I, отд. II, стр. 265—266).

Св. Григорій по мѣсту своего пребыванія и служенія въ г. Назіанзѣ прозванный Назіанзиномъ, и за свое высокое богословствованіе о св. Троицѣ—Богословомъ,

происходилъ изъ доброй, благочестивой семьи. Его отецъ, по имени также Григорій, даже въ то время, когда онъ принадлежалъ къ сектѣ Ипсистеріанъ (смѣшивавшей христіанскія воззрѣнія съ іудейскими и персидскими), отличался вполне безупречною жизнью, для совершенства которой недоставало только христіанскаго крещенія. По принятіи же крещенія онъ велъ такую чистую жизнь, что по смерти былъ причисленъ къ лику святыхъ. Мать св. Григорія, по имени Нонна, съ самаго дѣтства была ревностной христіанкой и старалась, насколько можно, осуществить въ своей жизни евангельскій идеалъ. По нятно, что такую благочестивую женщину сильно озабочивали сектантскія воззрѣнія ея мужа и потому она всѣми мѣрами и главнымъ образомъ своимъ высокохристіанскимъ поведеніемъ старалась обратить его на путь истины. Ея старанія увѣнчались успѣхомъ. Смотри на нее, Григорій не могъ не убѣдиться, что только одна христіанская вѣра производитъ такое совершенство жизни, и наглядно убѣжденный въ превосходствѣ христіанства надъ всѣми другими вѣрованіями, въ 325 г. принялъ крещеніе. Съ самаго момента крещенія Духъ Божій явно почилъ надъ Своимъ избранникомъ. Когда Григорій выходилъ изъ воды, то его осіялъ особенный свѣтъ, который былъ видѣнъ всѣмъ присутствующимъ, но особенно назіанзинскому епископу, исполнившемуся по этому поводу пророческаго вдохновенія и предрекшему, что Григорій будетъ его преемникомъ. Это предсказаніе скоро исполнилось. Спустя немного времени Григорій за свое высокое благочестіе былъ сначала посвященъ въ санъ пресвитера, а потомъ (329 г.) поставленъ епископомъ назіанзинскимъ.

Желаніе Нонны, такимъ образомъ, исполнилось даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ она первоначально хотѣла. Но у нея было и другое, не менѣе задушевное желаніе — имѣть дѣтей, о чемъ она усердно молила Господа и дала обѣтъ: если родится сынъ, посвятить его Богу,

т.-е. предназначить его къ священнослуженію. По дѣйствию Промысла Божія, это ея желаніе исполнилось только тогда, когда оба супруга были уже ревностными христіанами, а Григорій кромѣ того состоялъ уже въ священномъ санѣ. Въ 329 и въ 330 году родился у нихъ сынъ, названный по имени отца также Григоріемъ, будущее свѣтило христіанской Церкви. Послѣ Григорія у нихъ родилось еще двое дѣтей—сынъ Кесарій и дочь Горгонія.

Согласно своему обѣту, Нонна съ самыхъ раннихъ лѣтъ стала научать Григорія истинамъ христіанской вѣры и правиламъ христіанской жизни. Слова матери, подтверждаемая ея собственнымъ примѣромъ, падали на благодарную почву. Григорій усердно слушалъ уроки матери, ревностно изучалъ Св. Писаніе и всѣми силами стремился къ богоугодной жизни. Среди такихъ благочестивыхъ занятій онъ сдѣлался не по лѣтамъ серьезень, отказался отъ развлеченій своихъ сверстниковъ и предпочиталъ имъ мудрыя бесѣды людей благочестивыхъ. Къ довершенію своего христіанскаго воздержанія, онъ послѣ одного сновидѣнія рѣшился посвятить себя дѣвственной жизни. Однажды онъ видѣлъ во снѣ, что къ нему подошли двѣ чистыя и прекрасныя дѣвы, которыя произвели на него самое пріятное впечатлѣніе и на вопросъ Григорія, кто онѣ и откуда, отвѣчали: «одна изъ насъ называется чистотой, а другая цѣломудріемъ. Мы предстоимъ Царю Христу и услаждаемся красотою небесныхъ дѣвственниковъ. Но и ты, сынъ, соедини и умъ свой съ нашими сердцами, и свѣтильникъ свой съ нашими свѣтильниками, чтобы тебя просвѣтленнаго, пронеся чрезъ эфирныя высоты, могли мы поставить передъ сіяніемъ безсмертной Троицы». (т. IV стр. 312).

Среди усиленнаго занятія изученіемъ Св. Писанія и упражненіемъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ не забывалось и свѣтское образованіе. Съ самаго начала оно

велось въ такомъ направленіи, которое должно было развить въ Григоріѣ любовь къ словесному искусству и сообщить ему самое лучшее знаніе этого искусства.

Въ то время, какъ Григорій изучалъ подь руководствомъ матери Св. Писаніе, наставникомъ его въ свѣтскихъ наукахъ былъ его дядя Амфилохій, довольно извѣстный въ Каппадогійи учитель краснорѣчія. Можетъ быть, подь влияніемъ уроковъ Амфилохія, Григорія, по его словамъ, «объяла пламенная любовь къ наукамъ словеснымъ». При такомъ стремленіи къ знанію, его не могъ удовлетворить родной городъ и потому онъ стремился побывать во всѣхъ научныхъ центрахъ тогдашняго времени. Къ счастью, родители его имѣли достаточно средствъ, чтобы не отказать ему въ этомъ желаніи. Сначала онъ отправился въ Кесарію, главный городъ Каппадокійской области, затѣмъ пришелъ въ Кесарію Палестинскую, гдѣ въ то время славился риторъ Теспій и была знаменитая бібліотека, собранная мучениковъ Памфиломъ. Отсюда любознательность привела его въ Александрію, въ которой процвѣтала и христіанская и языческая ученость, особенно философія. Здѣсь онъ познакомился съ сочиненіями Оригена и, быть можетъ, слушалъ знаменитаго богослова, слѣпца Дидима. Здѣсь же онъ видѣлъ св. Аѳанасія, который около 350 года возвратился въ Александрію, и всецѣло проникся его непоколебимой твердостью въ православіи и мужествомъ въ борьбѣ съ врагами Церкви, какимъ отличался всю свою жизнь. Наконецъ, здѣсь онъ могъ встрѣтить знаменитаго Антонія и Павла Ѣвѣйскаго и получить стремленіе къ пустынножителству, къ которому онъ впоследствии нерѣдко прибѣгалъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Объ Кесаріи и Александріи не удовлетворили любознательности Григорія, и онъ поѣхалъ заканчивать образованіе въ Аѳины, гдѣ въ особенности процвѣтали школа софистовъ и раторовъ. Познакомиться съ ними

было необходимо будущему защитнику Церкви, который долженъ былъ выступатьъ противъ враговъ ея во всеоружіи ученыхъ средствъ. Въ Аѣины Григорій отправился осенью, т. е. въ самое неудобное время, когда на Средиземномъ морѣ свирѣпствуютъ страшныя бури. Одну изъ такихъ бурь долженъ былъ выдержать и корабль, на которомъ ѣхалъ Григорій. Цѣлыхъ двадцать двое сутокъ свирѣпствовала она и опасность была такая, что никто не надѣялся спастись. Естественный страхъ смерти у благочестиваго Григорія усиливался еще отъ сознанія, что онъ не былъ крещенъ. ¹⁾ Глубоко опечаленный этимъ, онъ горячо молился Богу и далъ обѣтъ посвятить свою жизнь Богу, если будетъ спасенъ. Молитва его была услышана, буря прекратилась и корабль благополучно присталъ къ Эгинскому берегу. Одинъ изъ товарищей Григорія, христіанскій мальчикъ, рассказывалъ при этомъ, что онъ видѣлъ, какъ Нонна поспѣшно пришла по морю, взяла корабль и безъ большихъ усилій привела его къ берегу. Самъ Григорій объясняетъ это тѣмъ, что по взаимной симпатіи душъ его томленія передались его родителямъ и они участвовали въ его молитвахъ, которыя спасли корабль. Изъ Эгины Григорій отправился въ Аѣины, гдѣ онъ пробылъ 5—6 лѣтъ, такъ что, вступивши въ этотъ городъ еще юношей, онъ оставилъ его взрослымъ мужчиной тридцати лѣтъ. Въ Аѣинахъ судьба вторично свела его съ Василиемъ Великимъ, съ которымъ онъ раньше встрѣчался въ Кесаріи Каппадокійской. Совмѣстное обученіе, одинаковость образа жизни и стремленій настолько сблизили обоихъ соотечественниковъ, что они на всю жизнь остались неизмѣнными друзьями. Дружба въ особенности скрѣпилась двумя услугами,

¹⁾ Въ IV вѣкѣ было въ обычаѣ откладывать крещеніе до болѣе зрѣлаго возраста, а иногда даже до самой смерти, потому что грѣхъ умереть некрещеннымъ считался меньшимъ, чѣмъ смертный грѣхъ послѣ крещенія. Тертулл. О крещеніи.

которыя оказаль Григорій Василю: при самомъ прибытіи Василя въ Аѣины, убѣдивши товарищей избавить его отъ унижительнаго обряда приѣма въ число учащихся, какому подвергались всѣ новички, и затѣмъ, оказавши Василю помощь въ одномъ словопреніи, когда противники начали уже одолевать его. Послѣ этого дружба ихъ «изъ искры превратилась въ высокій и горящій пламень». При взаимномъ содѣйствіи и постоянномъ общеніи, они усердно занялись изученіемъ наукъ, преподававшихся въ аѣинскихъ школахъ, и прошли весь сложный курсъ, включавшій въ себѣ, грамматику, исторію, поэзію, геометрію, математику и медицину. Но еще выше этого цѣнились науки, составлявшія гордость Аѣинъ и преподававшіяся самыми знаменитыми риториками того времени, Гимеріемъ и Прозересіемъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ стояла «огнедышущая риторика», какъ называетъ ее Григорій, и «философія», подраздѣлявшаяся на физику, этику и логику. Во всѣхъ наукахъ, въ словесныхъ въ особенности, друзья оказали такіе большіе успѣхи, что слава объ ихъ учености прогремѣла на всю Элладу и даже за предѣлы ея.

✓ Кромѣ полученія самаго широкаго научнаго образованія, пребываніе Григорія въ Аѣинахъ имѣло для него и то значеніе, что здѣсь онъ познакомился съ будущимъ гонителемъ Церкви, Юліаномъ-отступникомъ, посланнымъ сюда своимъ дядей, императоромъ Констанціемъ, для усовершенствованія въ наукахъ. Хотя Юліанъ въ то время еще притворно казался христианиномъ, скрывая свои языческія симпатіи, но Григорій заранѣе провидѣлъ въ немъ врага церкви. Въ своемъ словѣ противъ Юліана, составленномъ нѣсколько лѣтъ спустя, онъ говоритъ: «И тогда я не худо разгадалъ этого челоуѣка... Мнѣ казалось недобрымъ знакомъ, что его шея была нетверда, что онъ часто подергивалъ плечами вверхъ и внизъ, подобно вѣсамъ, что взгляды у него были косые и блуждающіе, что вращалъ своими гла-

зами подобно помѣшанному, и не стоялъ твердо и спокойно на ногахъ. Столь же мало мнѣ нравился его носъ, который дышалъ гордостью и презрѣніемъ; не любилъ я и насмѣшливаго искаженія его лица, свидѣтельствовавшаго о той же гордости, его безпорядочныхъ и бурныхъ взрывовъ смѣха, его киванія и трясенія головою безъ всякой видимой для того причины, его медлительнаго и конвульсивнаго способа рѣчи, его внезапныхъ и бессмысленныхъ вопросовъ и нелучшихъ отвѣтовъ, которые часто противорѣчили одинъ другому и появлялись безъ всякаго научнаго порядка... Какое зло воспитываетъ римская имперія!»

На тридцатомъ году Григорій кончилъ свое образованіе и хотѣлъ вмѣстѣ съ Василиемъ ѣхать на родину, но товарищи и преподаватели, гордившіеся двумя знаменитыми мужами и полюбившіе ихъ, со слезами уговаривали ихъ остаться. Василій оказался болѣе непреклоннымъ и уѣхалъ, а Григорій сдался на убѣжденія и остался. Однакоже съ отъездомъ Василя Аѣины потеряли въ глазахъ его весь свой блескъ и красоту и сдѣлались скучными. Какъ ни увѣщевали его товарищи, какъ ни лестно было предложеніе занять лучшую кафедру словесности въ Аѣинахъ, Григорій не могъ долѣе противиться своему внутреннему влеченію и поѣхалъ на родину. По счастливой случайности въ Константинополѣ онъ встрѣтился съ своимъ братомъ Кесаріемъ, который также возвращался домой послѣ долголѣтняго отсутствія. Одновременное возвращеніе сыновей счастливо обрадовало Нонну, которая, отпуская ихъ въ чужіе края, молила Бога, чтобы они и возвратились вмѣстѣ, какъ вмѣстѣ уходили отъ нея.

По возвращеніи Григорія и Кесарія на родину, первымъ ихъ желаніемъ, совпадавшимъ съ желаніемъ родителей, было возможно скорѣйшее крещеніе. Когда же, таинство крещенія было совершено надъ св. Григоріемъ, то онъ подумалъ, что теперь для него наступило самое

благоприятное время исполнить свой обѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣтное желаніе—въ пустынѣ посвятить себя на служеніе Богу. Первымъ препятствіемъ къ выполненію этого намѣренія была усиленная просьба его согражданъ показать имъ опытъ своего краснорѣчія. Св. Григорій исполнилъ ихъ просьбу, затѣмъ онъ и самъ задумался, какой ему избрать образъ жизни—созерцательный или дѣятельный, для бѣльшаго угожденія Богу. Тотъ и другой имѣлъ свои удобства и неудобства. Когда онъ такимъ образомъ колебался, выборъ былъ рѣшенъ родителями, которые оставили его при себѣ, чтобы онъ помогалъ имъ и покоилъ ихъ старость. Послушный волѣ родителей, онъ остался съ ними, но жилъ отчасти какъ отшельникъ: спалъ на полу, одѣвался въ грубыя простыя ткани, питался только хлѣбомъ и солью и ничего не пилъ кромѣ воды. Дни онъ проводилъ въ работѣ, а большую часть ночи въ молитвѣ, славословіи и благочестивомъ размышленіи. Не отказывался онъ и отъ управленія имѣньями своего отца и всѣхъ заботъ, соединенныхъ съ этимъ, хотя считалъ это дѣло менѣе всего подходящимъ для себя и слишкомъ обременительнымъ.

Въ то время, какъ св. Григорій избралъ дѣятельный образъ жизни, не исключавшій и созерцательнаго, св. Василій посвятилъ себя пустынножителству. На берегу р. Ириса въ Понтѣ, онъ нашелъ прекрасное уединенное мѣстечко и поселился въ немъ. Чтобы привлечь въ свой скитъ св. Григорія, онъ написалъ ему письмо, въ которомъ поэтически, на рѣдкость въ тогданнее время, описываетъ Аниссы, мѣсто своего пребыванія. Св. Григорій, погруженный въ домашнія заботы, отвѣчалъ ему, что сыновнія обязанности онъ ставитъ выше желанія быть постоянно съ другомъ, хотя и не отказывается когда либо посѣтить его обитель. И дѣйствительно, выбравши свободное время, онъ посѣтилъ св. Василя, и не смотря на то, что пробылъ

у него только пѣсколько мѣсяцевъ, онъ съ восторгомъ вспоминаеть это блаженное время. «О, если бы кто перенесъ меня опять, писалъ онъ св. Василию, въ прежніе мѣсяцы, въ прежніе дни, въ которые я вмѣстѣ съ тобою роскошествовалъ въ страданіяхъ и тягостяхъ! Добровольное страданіе драгоцѣннѣе, чѣмъ невольное наслажденіе. Кто возвратитъ мнѣ тѣ псалмопѣнія и бдѣнія, тѣ далекія странствованія въ молитвахъ къ Богу и ту, такъ сказать, невещественную и безтѣлесную жизнь? То единство жизни и души среди братьевъ, которые боготворятся и возвышаются тобою? То соревнованіе и соперничество въ добродѣтели, которое мы обезпечили писанными правилами и постановленіями? Кто возвратитъ мнѣ тотъ достолюбезный трудъ въ священныхъ вѣщаніяхъ и свѣтъ, находимый въ нихъ подъ руководствомъ Духа Божія? Или, говоря о меньшихъ и менѣе значительныхъ предметахъ, кто возвратитъ мнѣ обыденное теченіе повседневныхъ трудовъ, тасканіе дровъ и тесаніе камней, посадку и поливку?» ¹⁾ Плодомъ этого кратковременнаго свиданія друзей былъ сборникъ извлеченій изъ твореній Оригена, который и теперь существуетъ подъ именемъ «Филокаліи». или Добротолюбія. Св. Григорій кромѣ того помогаль св. Василию въ составленіи монастырскихъ правилъ.

Сравнительно скорый отъѣздъ св. Григорія изъ обители св. Василія былъ вызванъ тѣмъ, что отецъ его по своей простотѣ и недостаточному знакомству съ тонкостями богословія, подписался подъ полуаріанскимъ символомъ, въ которомъ слово *единосущный* было замѣнено словомъ *подобосущный*. Эта *оплошность* Григорія—отца вызвала сильное волненіе въ назіанзинской паствѣ, особенно среди монаховъ, твердо стоявшихъ за православіе. При такихъ обстоятельствахъ св. Григорій выступилъ примирителемъ между отцомъ и монахами.

¹⁾ Письмо къ Вас. В. 5-е, т. VI, стр. 103.

Краснорѣчивому защитнику отца скоро удалось возстановить нарушенный миръ между назіанзинскимъ епископомъ и его паствою.

И помимо этого случая Григорій-отецъ часто нуждался въ присутствіи своего сына, который былъ краснорѣчивъ, обладалъ обширными познаніями какъ въ свѣтскихъ наукахъ, такъ и въ словѣ Божіемъ, отличался твердостью вѣры и умѣлъ бороться съ еретиками, т.-е. обладалъ качествами, которыя были всего нужнѣе въ то смутное время, когда аріанствомъ заразился почти весь Востокъ. Поэтому онъ рѣшилъ сдѣлать его своимъ пресвитеромъ, хотя зналъ, что самъ св. Григорій не желалъ этого. Въ праздникъ Рождества (361 г.) св. Григорій былъ внезапно схваченъ и принужденъ своимъ отцомъ и собравшейся паствой принять посвященіе въ пресвитера. ¹⁾ Съ тяжелымъ сердцемъ принялъ св. Григорій это посвященіе, потому что оно навсегда лишало его надежды удалиться въ пустыню и обрекало на дѣятельную жизнь въ міру. Удрученный скорбію, св. Григорій въ день Богоявленія бѣжалъ въ Понтъ къ другу своему св. Василию, надѣясь найти у него успокоеніе. «При этомъ принужденіи (т.-е. посвященіи въ санъ), говоритъ св. Григорій, такъ сильно возскорбѣлъ я, что забылъ все — друзей, родителей, отечество, родъ, и, какъ волъ, уязвленный слѣпнемъ, ушелъ въ Понтъ, надѣясь тамъ въ божественномъ другѣ найти себѣ врачевство отъ горести». (т. VI, стр. 16). Бѣгство св. Григорія возбудило въ Назіанзѣ много толковъ и между прочимъ многіе осудили его за такой поступокъ. Поэтому, когда, въ теченіи времени отъ Богоявленія до Пасхи, онъ «облегчилъ скорбь своего сердца» и затѣмъ возвратился въ Назіанзъ, то онъ сказалъ назіан-

*) Такой странный для нашего времени способъ посвященія былъ, по словамъ Постидія, довольно обычнымъ въ то время. Изъ писемъ св. Василія мы узнаемъ, что этому ничто не могло воспрепятствовать, кромѣ клятвы въ противоположномъ смыслѣ.

ской наставъ три слова, изъ коихъ въ третьемъ онъ раскрылъ причины, побудившія его въ бѣгству.

Съ возвращеніемъ св. Григорія изъ Понта кончились всѣ его временныя колебанія; и онъ всецѣло рѣшился посвятить себя на служеніе церкви въ качествѣ пресвитера. Ревностный поборникъ христіанства и не могъ поступить иначе, потому что наступало время, когда его силы были особенно нужны. — Въ 361 году умеръ императоръ Констанцій, назначившій наслѣдникомъ Юліана, который, получивъ власть, немедленно же отрекся отъ христіанства и объявилъ себя язычникомъ. Какъ убѣжденный фанатикъ, онъ не только самъ сдѣлался отступникомъ отъ христіанской вѣры, но и всѣ свои усилія направилъ къ тому, чтобы дать язычеству перевѣсъ надъ христіанствомъ. Противъ христіанства онъ началъ систематическое гоненіе, но какъ человѣкъ не жестокой по природѣ и наученный исторіей, что кровавыя преслѣдованія только способствуютъ распространенію христіанства, онъ рѣшился гнать не христіанъ, а тѣ силы, которыя способствуютъ распространенію и успѣхамъ христіанства. Такъ, замѣчая, что научное образованіе значительно содѣйствуетъ процвѣтанію христіанства, онъ закрылъ христіанскія школы и воспретилъ преподаваніе христіанскимъ учителямъ. Затѣмъ, онъ подвергалъ христіанъ всевозможнымъ насмѣшкамъ, запретилъ имъ называться иначе, какъ галилеянами, и наконецъ свои указы и свои сочиненія наполнялъ издѣвательствами надъ вѣрованіями и невежествомъ и необразованностью христіанъ. Впослѣдствіи, когда его стала раздражать стойкость христіанъ и холодность самихъ язычниковъ, для которыхъ онъ такъ усердно старался, онъ къ издѣвательствамъ и насмѣшкамъ присоединилъ и прямыя притѣсненія. Христіанамъ былъ воспрещенъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, духовенство лишилось прежнихъ льготъ и привилегій, христіанскія церкви разрушались или об-

ращались въ языческіе храмы, имущество эдесской церкви было отнято съ ироническимъ объясненіемъ, что этимъ путемъ христіанамъ дается случай выполнить евангельскую заповѣдь о нестяжательности. Въ противоположность этому, язычеству онъ оказывалъ покровительство во всевозможныхъ видахъ: окружилъ себя самыми знаменитыми языческими учеными, давалъ имъ самыя высшія должности при дворѣ, въ столицѣ и въ провинціяхъ, издавалъ указы о возстановленіи языческихъ храмовъ, старался оживить языческое богослуженіе, чему самъ подавалъ примѣръ, принося частыя и обильныя жертвы.

Чтобы еще больше усилить язычество, онъ старался привлекать къ нему и самыхъ знаменитыхъ изъ христіанъ и для достиженія этой цѣли пользовался всѣми средствами, главнымъ образомъ обѣщаніемъ своей милости и почестей, а иногда и угрозами. Между прочимъ онъ старался склонить къ язычеству Кесарія, брата св. Григорія, который былъ придворнымъ врачомъ, но Кесарій, поддержанный письмомъ брата, далъ ему твердый отпоръ. Скоро и у Григорія — отца вышло столкновеніе съ Юліаномъ, по поводу поставленія епископомъ Кесарійскимъ Евсевія, челоуѣка, лично непріятнаго Юліану. Правитель Каппадокіи съ угрозами писалъ епископамъ, поставившимъ Евсевія, чтобы они низложили его, такъ какъ его постановленіе было незаконно и низложенія требуетъ самъ царь. Григорій — отецъ, получивъ грозное посланіе, твердо отвѣчалъ правителю, что поставленіе епископовъ и разсужденіе о законности или незаконности его всецѣло принадлежитъ самимъ епископамъ и за это они отвѣчаютъ только передъ Богомъ. Твердый отвѣтъ спасъ городъ, которому угрожалъ Юліанъ, и утвердилъ Евсевія на Кесарійской каедрѣ.

Гроза, миновавшая Кесарійскую епархію, скоро миновала и всю христіанскую имперію, потому что 27

юля 363 года Юліанъ былъ убитъ на войнѣ съ персами. Въ противовѣсъ панегирикамъ Юліану, составленнымъ около того времени Ливаніемъ, Евнапіемъ, Каллистомъ, Зосимою и другими языческими риторами, св. Григорій Богословъ написалъ противъ Юліана два слова, въ которыхъ изобразилъ его пагубную для Церкви дѣятельность, выразилъ сожалѣніе о жалкой участи отступника и совѣтовалъ христіанамъ не воздавать зломъ за зло.

Ювіанъ, наслѣдовавшій императорскій престолъ послѣ Юліана, какъ истинный христіанинъ, намѣревался искоренить все зло, причиненное церкви Юліаномъ, и снова привести ее въ цвѣтущее состояніе. Къ сожалѣнію, онъ царствовалъ только нѣсколько мѣсяцевъ (до марта 364 года), не успѣвъ привести въ исполненіе большинства своихъ намѣреній. Для церкви снова наступали времена испытаній, потому что преемникомъ Ювіана въ восточной части имперіи былъ Валентъ, придерживавшійся аріанства и стремившійся утвердить его на мѣсто православія.

При такихъ обстоятельствахъ, Евсевій, епископъ Кесарійскій, какъ избранный изъ мірянъ и несильный въ христіанскомъ богословіи, чувствовалъ, что его собственныхъ силъ недостаточно для борьбы съ искусными врагами—еритиками и потому желалъ имѣть у себя опытнаго помощника. Выборъ его палъ на св. Василія, который, еще въ бытность свою чтецомъ Кесарійской церкви, выказалъ себя сильнымъ защитникомъ православія въ опроверженіи ереси Евномія. Въ виду этого Евсевій хотѣлъ его сдѣлать своимъ пресвитеромъ, но св. Василій всѣми силами отклонялъ это избраніе. Тогда съ нимъ было поступлено точно такъ же, какъ и съ Григоріемъ Богословомъ: его насильно посветили въ санъ пресвитера. И св. Василій, какъ нѣкогда св. Григорій, обратился къ своему другу за словомъ утѣшенія. Св. Григорій, ясно понимая, какую пользу церкви

можетъ принести всесторонне образованный и твердый въ православіи св. Василій, убѣждалъ его покориться дѣйствию Промысла Божія, принимая во вниманіе трудныя обстоятельства, въ какихъ находилась церковь, волнуемая еретиками. Св. Василій послушался дружескаго совѣта и ревностно отдался своему новому служенію. Эта ревность къ служенію церкви, однако же, скоро доставила ему большія непріятности. Выдающійся по своей учености и краснорѣчію пресвитеръ скоро затмилъ своими трудами неки жнаго епископа Кесарійскаго, что не могло нравиться Евсевию, который, по человѣческой слабости, началъ завидовать своему пресвитеру и невзлюбилъ его. Въ ослѣпленіи страсти Евсевій зашелъ такъ далеко, что даже лишилъ св. Василія пресвитерства, которое самъ же насильно заставилъ его принять. Между кесарійскою паствою, особенно среди монаховъ, началось волненіе, которое грозило расколомъ, но св. Василій, не желая быть причиною церковнаго раздора, удалился въ свое понтійское уединеніе, куда за нимъ послѣдовалъ на нѣкоторое время и св. Григорій. По возвращеніи оттуда, св. Григорій усердно занялся примиреніемъ епископа съ пресвитеромъ. По его настоянію и въ виду опасности, какая грозила кесарійской церкви отъ арианъ, въ срединѣ 375 года состоялось примиреніе между Евсевиемъ и св. Василиемъ. Послѣ этого св. Василій, въ теченіе пяти лѣтъ управлялъ кесарійской епархіей въ качествѣ помощника Евсевія, и св. Василій, въ борьбѣ съ арианами оказалъ церкви большія услуги.

А св. Григорій въ это время былъ занятъ личными дѣлами: у него одинъ за другимъ страшно захворали сначала на Пасху отецъ, а потомъ мать. Когда они чудесно выздоровѣли, ему пришлось схоронить брата Кесарія и сестру Горгонію. Обоихъ онъ почтилъ надгробнымъ словомъ.

Въ іюнь 370 года умеръ Евсей, епископъ кесарійскій, на мѣсто котораго нужно было скорѣе назначить преемника, чтобы отражать нападенія арианъ, которыхъ поддерживалъ самъ императоръ. Св. Василій, желая поставить на кесарійскую кафедру св. Григорія, письмомъ звалъ его къ себѣ, необъясняя причины, по которой онъ зоветъ его. Когда же св. Григорій отказался прійхать, то св. Василій для привлеченія его въ Кесарію употребилъ хитрость. Во второмъ письмѣ онъ извѣщалъ его о своей смертельной болѣзни и непремѣнномъ желаніи видѣть его, чтобы сообщить ему свою послѣднюю волю. Только на серединѣ пути догадался св. Григорій о хитрости св. Василія и недовольный вернулся назадъ. Между тѣмъ въ Кесаріи собрались епископы для поставленія архіепископа на кесарійскій престоль. Оба Григорія, отецъ и сынъ, употребили всѣ усилія, чтобы на Кесарійскую кафедру былъ поставленъ св. Василій, какъ самый достойнѣйшій изъ всѣхъ кандидатовъ и какъ болѣе всѣхъ способный поддержать чистоту православной вѣры. Въ своихъ письмахъ кесарійской паствѣ и собравшимся епископамъ Григорій—отецъ указывалъ на высокія достоинства св. Василія, «мужа и въ жизни и въ ученіи достигшаго чистоты болѣе всякаго другого, способнаго противостать нынѣшнему времени». Не довольствуясь этимъ, Григорій—отецъ, узнавъ, что для избранія св. Василія недостаетъ одного голоса, не смотря на свой 96-лѣтній возрастъ и мучительную болѣзнь, приковывавшую его къ постели, немедленно приказываетъ нести себя въ Кесарію, чтобы своимъ голосомъ и вліяніемъ поддержать избраніе св. Василія. Неожиданное появленіе въ Кесаріи маститаго старца и его дѣятельность рѣшили дѣло въ пользу св. Василія, который былъ поставленъ архіепископомъ Кесарійскимъ. Св. Василій звалъ св. Григорія къ себѣ, предлагалъ ему пресвитерство въ Кесаріи и св. Григорій отъ того и другого отказался, боясь людскихъ

пересудовъ. Когда же св. Василій написалъ ему, что императоръ Валентъ идетъ въ Кесарію, чтобы принудить епископовъ и клиръ принять лжеученіе аріанъ, то св. Григорій обѣщаль поспѣшить на помощь другу, но замедлилъ, потому что узналъ, что Валентъ съ этою же цѣлію идетъ сначала въ Назіанзъ. Оба Григорія, въ особенности Григорій Богословъ, дали Валенту въ Назіанзѣ такой твердый отпоръ, что онъ безуспѣшно долженъ былъ удалиться изъ этого города. Какъ только Валентъ уѣхалъ изъ Назіанза, св. Григорій поспѣшилъ на помощь другу и прибылъ къ нему не много раньше Валента, который со всею пышностію вступилъ въ Кесарію, чтобы дать торжество аріанству. Удаленіе же его отсюда не соотвѣтствовало его приходу, потому что св. Василій, поддержанный другомъ, выказалъ такую неустрашимость и такую стойкость, что ни ласкательства, ни угрозы не могли заставить его отречься отъ своей вѣры. Валентъ лично имѣлъ бесѣду съ св. Василіемъ въ алтарѣ и, пораженный величіемъ святаго, не сдѣлалъ ему никакого зла, но даже довольно благосклонно сталъ смотрѣть на православную церковь. Много обѣдствій, которыя ей готовились, было такимъ образомъ предотвращено.

Посвященіе св. Григорія въ санъ епископа.

Обрадованный стойкостью св. Василія и неприкосновенностію православія въ Кесаріи, св. Григорій возвратился въ родной Назіанзъ, чтобы съ спокойною душою предаться обычнымъ занятіямъ. Но спокойствіе, на которое онъ рассчитывалъ, было очень непродолжительно, такъ какъ у св. Василія снова возникли крупныя непріятности, которыя повліяли на измѣненіе положенія св. Григорія.—Императоръ Валентъ, въ интересахъ администраціи, раздѣлилъ Каппадокійскую область на двѣ части: главнымъ городомъ одной поло-

вины по прежнему оставалась Кесарія, а въ другой такое значеніе пріобрѣла Тіана. Само по себѣ гражданское раздѣленіе области не вело неизбѣжно и къ церковному раздѣленію ея, но честолюбивый тіанскій епископъ Анѣимъ задумалъ отдѣлиться отъ св. Василія и образовать въ Тіанѣ самостоятельную архіепископію. Нашедши себѣ сторонниковъ, преимущественно изъ людей почему-либо недовольныхъ св. Василиемъ, и употребляя насиліе, котораго св. Василій всегда избѣгалъ, Анѣимъ успѣлъ отторгнуть отъ кесарійской церкви почти половину. Чтобы это отторженіе не носило характера раскола, св. Василій, не продолжая борьбы съ Анѣимомъ, отказался отъ половины своей прежней епархіи и взамѣнъ этого обратилъ особенное вниманіе на половину, оставшуюся вѣрною ему. Въ этомъ отношеніи ему понадобилась помощь св. Григорія. Поставляя многихъ новыхъ епископовъ для городовъ своей епархіи, св. Василій для города Сасимъ, какъ пограничнаго между Кесарійской и Тіанской епархіями и притомъ оспариваемаго Анѣимомъ, искалъ человѣка вполне надежнаго. Такимъ именно, по его мнѣнію, былъ св. Григорій, котораго онъ и вознамѣрился сдѣлать епископомъ сасимскимъ. Съ этою цѣлію онъ писалъ св. Григорію, затѣмъ лично пріѣзжалъ въ Назіанзъ, чтобы убѣждать его, но св. Григорій неизмѣнно отказывался отъ этого предложенія, пока къ увѣщаніямъ св. Василія не присоединилъ свой голосъ отецъ Григорія. Тогда св. Григорій, какъ послушный сынъ, никогда не выходявшій изъ воли отца, далъ свое согласіе на посвященіе въ епископскій санъ. Въ половинѣ 372 года онъ былъ сдѣланъ епископомъ сасимскимъ. Какъ онъ принялъ это поставленіе и что онъ чувствовалъ по поводу его, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: «Снова на мнѣ помазаніе и Духъ, и опять я хожу плача и сѣтуя» (т. I, стр. 289). Удрученное состояніе духа, которое не покидало св. Григорія со времени посвя-

щенія въ епископа и только отчасти ослабилось во время посѣщенія Назіанза Григоріемъ Нисскимъ, разрѣшилось новымъ бѣгствомъ св. Григорія въ пустыню. Подавленный высотой своего новаго служенія и не имѣя силъ бороться съ буйнымъ Анеимомъ, который сдѣлалъ вступленіе его въ Сасимы невозможнымъ безъ кровопролитія, онъ тайно убѣжалъ на одну пустынную гору. Изъ этого уединенія его не могли вызвать два письма св. Василія—одно сравнительно мягкое, а другое болѣе суровое,—но вызвалъ голосъ отца, къ которому обратился св. Василій за содѣйствіемъ. Уступая ихъ совокупнымъ увѣщаніямъ, св. Григорій началъ собираться въ Сасимы, какъ получилъ отъ Анеима оскорбительное письмо съ угрозами силою не допустить его въ Сасимы. Противъ грубой матеріальной силы у св. Григорія не было оружія и потому онъ принужденъ былъ остаться въ Назіанзѣ. Въ скоромъ времени сюда прибылъ и Анеимъ, желавшій вывѣдать намѣренія св. Григорія относительно Сасимъ и, если можно склонить св. Григорія признать его, Анеима, своимъ архіепископомъ. Подъ этимъ условіемъ онъ уступалъ ему Сасимы. Когдаже св. Григорій твердо отстаивалъ права св. Василія, то Анеимъ, видя бесполезность своихъ стараній и не желая продолжать распри, предложилъ созвать соборъ изъ представителей мѣстнаго духовенства, который точнѣе опредѣлитъ бы границы епархій Кесарійской и Тіанской. Св. Григорій, сильно желавшій возстановленія церковнаго мира, поспѣшилъ извѣстить св. Василія о предложеніи Анеима. Св. Василій, какъ истинный святитель, чуждый властолюбія и дорожившій благомъ церкви, немедленно же изъявилъ согласіе на миръ съ Анеимомъ, признавши за тіанскимъ епископомъ половину каппадокійской области, въ томъ числѣ и г. Сасимы.

Устроивши примиреніе между двумя епископами и не стѣсняемый никакими обязательствами по отноше-

нію къ сасимской церкви, которую онъ даже ни разу не видалъ, св. Григорій хотѣлъ удалиться въ уединеніе, которое такъ дорого было его сердцу, но его отецъ, въ виду своей старости и слабости въ борьбѣ съ еретиками, просилъ его остаться, чтобы помогать ему въ управленіи назіанзинскою церковію. Всегда послушный своему отцу, св. Григорій и на этотъ разъ исполнилъ его просьбу и въ концѣ сентября 372 года вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей. Будучи всегда добрымъ пастыремъ, онъ въ слѣдующемъ году имѣлъ случай проявить свою особенную заботливость о назіанзинской паствѣ.

Этотъ годъ былъ особенно тяжелъ для назіанзянъ, потому что надъ ихъ полями разразилась опустошительная градовая туча, а скотъ падалъ отъ моровой язвы. Бѣдствіе было тѣмъ страшнѣе, что и предъидущій годъ былъ неурожайный. Пораженная горемъ, назіанзинская паства сильно нуждалась въ словѣ утѣшенія, которое поспѣшилъ дать ей св. Григорій, указывая, что любовь Божія къ людямъ проявляется въ различныхъ видахъ, между прочимъ въ испытаніяхъ и наказаніяхъ.

Вскорѣ послѣ этого св. Григорій вторично доказалъ свою отзывчивость на нужды назіанзянъ, когда они, по случаю дороговизны хлѣба или принудительнаго сбора податей, особенно обременительнаго въ эту тяжелую годину, возмутились противъ начальства. Виновнымъ угрожали тяжкія наказанія, а всему городу большія бѣдствія. Тогда уstraшенные назіанзяне обратились къ св. Григорію въ надеждѣ, что онъ не откажетъ имъ въ заступничествѣ передъ грозными властями. Во исполненіе ихъ просьбы онъ произнесъ съ церковной кафедры слово, въ которомъ увѣщевалъ начальника, имѣющаго судить назіанзянъ, быть кроткимъ и милостивымъ, принести въ жертву Богу челоуѣколюбіе, какъ самый пріятный даръ Богу, «даръ единственный, даръ непорочный, даръ призывающій щедроты Божіи». Слово это

успокойло виновныхъ и смягчило сердце начальника: назіанзіанамъ было дано полное прощеніе ихъ вины.

Весною 374 года св. Григорія посѣтило личное горе. Отецъ его, почти столѣтній старецъ, подвергся сильной и продолжительной болѣзни, которая свела его въ могилу. Св. Григорій, хотя давно долженъ былъ подготовиться къ этому горестному событію, былъ въ страшномъ горѣ, которое лишь нѣсколько смягчилъ св. Василій, пріѣхавшій утѣшить друга и вмѣстѣ съ тѣмъ предать погребенію останки его отца. Послѣдовавшая вскорѣ послѣ этого смерть его матери Нонны была новымъ ударомъ для св. Григорія.

Послѣ смерти отца и матери онъ могъ считать себя ничѣмъ несвязаннымъ съ Назіанзомъ и для лучшаго успокоенія въ несчастіи намѣревался удалиться въ пустыню, но жители Назіанза, указывая ему на благотворность его управленія и на трудныя времена по причинѣ распространенія аріанской ереси, слезно молили его не покидать ихъ и управлять епархіей по крайней мѣрѣ до назначенія новаго епископа. Трудно было св. Григорію отказать въ усиленной просьбѣ людямъ, съ которыми онъ сжился душою. Уступая ихъ просьбамъ, онъ принялъ на себя обязанности назіанзинскаго епископа и ревностно исполнялъ ихъ: наставлялъ народъ, старался поднять его нравственность и даже входилъ въ его матеріальныя нужды. Такъ напримѣръ, когда народъ тяготился высокими налогами, особенно обременительными для бѣдняковъ, и обратился за содѣйствіемъ къ св. Григорію, онъ усердно ходатайствовалъ передъ сборщикомъ податей, какимъ, по счастью, оказался его школьный товарищъ, по имени Юліанъ, и въ результатѣ участь бѣдныхъ гражданъ была значительно облегчена.

Частыя болѣзни, однакоже, дѣлали для него тягостнымъ это подневольное служеніе. Принявши на себя управленіе назіанзинской церковію до назначенія новаго

епископа, онъ неразъ просилъ областныхъ епископовъ назначить ему замѣстителя. Прошелъ уже цѣлый годъ, а преемника ему еще не было назначено, потому что одни епископы не видѣли возможности замѣнить его столь-же достойнымъ пастыремъ, а другіе по недоброжелательству не хотѣли освободить его отъ принятыхъ имъ на себя трудныхъ обязанностей. Поэтому св. Григорій, утомившись долгими и напрасными просьбами, изнуряемый къ тому же болѣзнями, въ половинѣ 374 г. оставилъ Назіанзь, «объжалъ отъ друзей и дѣлъ» и поселился въ отдаленной Селевкіи Исаврійской, въ монастырѣ св. Феклы. И въ Селевкійскомъ уединеніи онъ не переставалъ интересоваться судьбою православной церкви, обуреваемой еретиками. Онъ писалъ многимъ епископамъ, лишеннымъ императоромъ своихъ кафедръ за содержаніе православія, убождая ихъ мужественно стоять за свою вѣру и надѣяться на скорое торжество православія. Здѣсь же онъ узналъ о смерти своего друга Василія Великаго, но болѣзнь лишила его возможности участвовать на его погребеніи (379). Только черезъ два года, проѣзжая черезъ Кесарію, онъ почтилъ св. Василія прекраснымъ надгробнымъ словомъ. Проживши въ Селевкіи болѣе четырехъ лѣтъ, св. Григорій намѣревался въ этомъ тихомъ уединеніи провести и остатокъ своихъ дней, но Промыслъ Божій судилъ иначе. Обстоятельства призывали его въ Константинополь.

Пребываніе св. Григорія на Константинопольской кафедрѣ.

Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ въ Константинополь господствовали аріане, которыхъ поддерживали сами императоры, какъ напримѣръ полуаріанинъ Констанцій и чистый аріанинъ Валентъ. При благосклонномъ отношеніи императоровъ, аріане захватили всѣ епископскія кафедры въ Константинополь и завладѣли

всѣми православными церквами. Въ то же время православные епископы ссылались въ заточеніе, а православный народъ подвергался гласнымъ и негласнымъ притѣсненіямъ. Положеніе православія ухудшилось еще и отъ того, что, кромѣ аріанъ, Константинополь былъ тогда наполненъ послѣдователями всевозможныхъ ересей и расколовъ—евноміанами, македоніанами, новатіанами и аполлинаристами,—которые, противорѣча и противоборствуя другъ другу, сходились въ одномъ, — во враждѣ къ православнымъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, число православныхъ значительно сократилось. Но въ 378 году въ судьбѣ православной церкви произошелъ крупный переворотъ: въ этомъ году умеръ ревностный поборникъ аріанства Валентъ, а на его престолъ вступилъ православный императоръ Θεодосій. Уже одна замѣна аріанскаго императора православнымъ была большимъ торжествомъ православія, но это торжество не могло быть полнымъ, такъ какъ аріанство, во время своего сорокалѣтняго господства пустившее глубокіе корни, не могло быть искоренено одною волею императора. Чтобы искоренить, или по крайней мѣрѣ ослабить его, нужно было къ административнымъ мѣрамъ правительства присоединить и духовныя средства борьбы съ ними, нуженъ былъ человекъ мужественный и опытный для этой борьбы. Такимъ именно человекомъ въ то время несомнѣнно могъ считаться св. Григорій Богословъ. По совѣту нѣкоторыхъ епископовъ, особенно Петра Александрійскаго, къ нему и обратились православные константинопольцы, прося его прибыть къ нимъ для возстановленія православія, такъ долго гонимаго еретиками. Какъ ни любилъ св. Григорій свое уединеніе, какъ ни слабы были его тѣлесныя силы, потрясенныя тревоженіями и болѣзнями, однакоже важность служенія, на которое онъ призывался, заставила его согласиться на просьбу православныхъ жителей Константинополя.

Приблизительно около Пасхи 379 года онъ прибылъ въ Константинополь и поселился въ домѣ мужа своей племянницы (дочери Горгоніи), куда сходились православные, чтобы слушать бесѣды св. Григорія и совершать богослуженіе, такъ какъ всѣ константинопольскіе храмы находились въ рукахъ еретиковъ-аріанъ. Одной комнаты этого дома было вполне достаточно, чтобы вмѣстить въ себѣ всѣхъ православныхъ, — такъ, значитъ, неблагопріятно отразились на православіи предшествовавшія трудныя для него времена. Когда же подъ вліяніемъ рѣчей и дѣятельности св. Григорія число православныхъ значительно возросло, то весь домъ былъ обращенъ въ храмъ, названный Анастасіею, то есть, воскресеніемъ, въ знакъ того, что въ немъ воскресло православіе. Въ этомъ храмѣ св. Григорій повелъ свою дѣятельность въ пользу православія съ такимъ успѣхомъ, которому нужно удивляться, принимая во вниманіе продолжительную и упорную приверженность константинопольцевъ къ аріанству и дѣятельную пропаганду противъ православія еретическихъ вождей. Противъ успѣха была и невзрачная наружность св. Григорія и его бѣдная одежда, что должно было производить непріятное впечатлѣніе въ роскошной столицѣ, гдѣ высоко цѣнилась блестящая эффектная внѣшность. Но если при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ успѣхъ святителя былъ изумителенъ, то это нужно объяснить его высокими внутренними качествами: его несокрушимой волей, когда дѣло касалось православной вѣры, блестящимъ краснорѣчіемъ, изумительной діалектикой, глубокой ученостію и наконецъ самымъ строгимъ подвижничествомъ. На константинопольцевъ, любившихъ по своей греческой натурѣ поговорить или послушать краснорѣчиваго оратора, производили особенно сильное впечатлѣніе его бесѣды, глубокиа по содержанию и прекрасно обработанныя съ внѣшней стороны. Слушать ихъ приходили не одни православныя, но еретики и

изчиныики, привлекаемые или любовію къ истинѣ, возвѣщаемой св. Григоріемъ, или интересомъ къ знаменитому оратору, или же наконецъ злобнымъ желаніемъ найти въ его бесѣдахъ что-либо такое, за что можно бы обвинить его.

Первою его заботою было посредствомъ этихъ бесѣдъ искоренить пагубную страсть константинопольцевъ къ догматическимъ спорамъ. Въ Константинополѣ и мужчины и женщины, и ученые и неученые, и въ домашнихъ собраніяхъ и на улицахъ, и въ циркѣ и въ театрѣ, съ крайнимъ увлеченіемъ и раздражительностію спорили о самыхъ возвышенныхъ предметахъ вѣры. Въ то же время эти горячіе спорщики о догматическихъ вопросахъ вѣры мало обращали вниманія на свою нравственность. Св. Григорій находилъ, что богословскіе споры мірянъ, съ одной стороны, вредны для вѣры, когда противъ искусныхъ еретиковъ выступаютъ неумѣлые православные, а съ другой стороны усиливаютъ вражду между обѣими сторонами. Поэтому онъ внушалъ своимъ слушателямъ, чтобы они предоставили богословскія разсужденія пастырямъ церкви, а сами обратили больше вниманія на свое нравственное усовершенствованіе.

Затѣмъ, во исполненіе своихъ словъ, что пастырь церкви обязанъ бороться съ еретиками, онъ, какъ главный константинопольскій пастырь, неустанно поучалъ свою паству истинамъ вѣры, опровергая еретическое ученіе, и сказалъ знаменитыя пять словъ о богословіи, противъ евноміанъ, въ которыхъ онъ раскрывалъ возвышенное ученіе о Св. Троицѣ съ такою ясностію и точностію, которыя не оставляли никакого сомнѣнія въ истинности православнаго ученія. Слушатели не оставались безучастными къ словамъ великаго учителя церкви: кругъ православныхъ значительно расширился,

такъ что численно почти сравнялся съ аріанами, а въ недалекомъ будущемъ обѣщалъ превзойти ихъ.

Такіе быстрые успѣхи св. Григорія возбуждали зависть и злобу главныхъ вождей ереси, которые отъ этого теряли многихъ своихъ прежнихъ приверженцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишались матеріальныхъ выгодъ отъ нихъ. Поэтому, чтобы отомстить ему, они распускали про него злобные слухи и клеветы, указывали на его непредставительную вышность, на его происхожденіе изъ незначительнаго города и говорили, что своимъ ученіемъ о Св. Троицѣ онъ распространяетъ многобожіе. Когда же эти злобныя нападки не оказали вліянія на св. Григорія, стоявшаго выше личныхъ оскорбленій и безукоризненнаго въ своемъ ученіи, то еретики употребили надъ нимъ открытое насиліе. Въ день Свѣтлаго Воскресенія толпа аріанъ, предводимая буйными нищими, безстыдными дѣвами и нескромными монахами, вооруженная палками, камнями и факелами, вторглась въ храмъ Анастасіи, произвела тамъ страшный беспорядокъ и разныя безчинства, выгнала православныхъ при чемъ одинъ человекъ былъ убитъ. Не смотря на то, что св. Григорію во время этихъ беспорядковъ больше всѣхъ грозила опасность, отъ которой онъ едва спасся, его на слѣдующій день привлекли къ суду какъ нарушителя общественной тишины. Невинный свяtitель, безъ сомнѣнія, былъ оправданъ на судѣ и имѣлъ возможность привлечь къ отвѣтственности своихъ обвинителей за оскорбленія и клевету, но по всегдашней кротости и незлобію простилъ имъ, надѣясь этимъ путемъ скорѣе смягчить и привлечь къ себѣ сердца своихъ враговъ.

Гораздо чувствительнѣе отразились на немъ несогласія и раздѣленія среди самихъ православныхъ. Весь Константинополь раздѣлился на двѣ партіи по вопросу объ Мелетіѣ и Павлинѣ, оспаривавшихъ въ 380 году другъ у друга права на антиохійскую кафедру. Мелетій

былъ поставленъ на эту кафедру двадцать лѣтъ тому назадъ, вскорѣ же былъ изгнанъ и воротился изъ ссылки только по указу Θεодосія (18 февраля 380 года). Павлинъ былъ третьимъ послѣ него антиохійскимъ архіепископомъ. Споръ между ними начался тогда, когда Мелетій, по указу Θεодосія, получилъ всѣ свои права. Этотъ споръ, въ которомъ приняли участіе многіе епископы и міряне, произвелъ большой раздоръ между православными и едва не кончился отдѣленіемъ Восточной церкви отъ Западной, такъ какъ восточные епископы слишкомъ ревностно поддерживали Мелетія, а западные — Павлина. И константинопольскіе христіане, къ немалой радости еретиковъ, также спорили изъ-за антиохійскихъ епископовъ почти до озлобленія. Св. Григорій, понимая, какой вредъ Церкви, какое торжество еретикамъ приносятъ эти раздоры, всѣми зависящими отъ него средствами старался водворить въ Константинополѣ миръ и достигъ этого, не смотря на то, что спорящіе въ пылу страстей сердились за его вмѣшательство, клеветали на него и даже готовы были изгнать его изъ Константинополя. Споры прекратились, когда было рѣшено, что антиохійскую кафедру сначала займетъ Мелетій, а по смерти его (которой нужно было скоро ожидать въ виду очень преклоннаго возраста Мелетія), — Павлинъ.

Послѣ удовлетворенія мелетіанскихъ споровъ, св. Григорію предстояло новое испытаніе, новая борьба съ врагами, которые угрожали не только ему, но и церкви. Къ этому времени пріѣхалъ въ Константинополь нѣкто Максимъ, по образованію и убѣжденіямъ послѣдователь цинической школы, за свой открытый развратъ и другія преступленія прогоняемый всюду, гдѣ только поселялся. Въ Египтѣ онъ даже былъ жестоко наказанъ плетьюми и слѣды этого наказанія долго сохранялись на его тѣлѣ. Наскучивъ безконечнымъ скитальчествомъ, онъ прибылъ въ Константинополь съ цѣлью получить

епископство, такъ какъ здѣсь никто не зналъ о его прежней жизни. Искусно притворяясь ревностнымъ поборникомъ православія и строгимъ аскетомъ, восхищаясь проповѣдями св. Григорія и выдавая знаки наказанія за слѣды мученичества за вѣру, онъ успѣлъ заслужить довѣріе и даже любовь св. Григорія, обычно проницательнаго, но теперь обманутаго подкупающею внѣшностью Максима. Св. Григорій, радуясь, что философъ-цивильскій сдѣлался такимъ ревностнымъ христіаниномъ, приблизилъ его къ себѣ, оказывалъ ему различные знаки вниманія и даже произнесъ въ честь его слово съ церковной кафедрой. Въ то время, какъ св. Григорій удостоивалъ своего мнимаго ученика и друга незаслуженнымъ вниманіемъ, Максимъ уже готовилъ противъ него заговоръ, надѣясь сдѣлаться епископомъ Константинопольскимъ. Разными путями, чаще всего нечистыми, онъ приобрѣлъ себѣ сторонниковъ, въ числѣ которыхъ непонятнымъ образомъ находился и Петръ, архіепископъ Александрійскій, который незадолго передъ этимъ самъ предлагалъ вызвать св. Григорія въ Константинополь, какъ достойнѣйшаго пастыря для церкви константинопольской. Когда интрига вполне созрѣла, то въ Константинополь, по благословенію Петра Александрійскаго, прибыли епископы для поставленія Максима. Такъ какъ, въ силу обычая, при избраніи епископа долженъ былъ участвовать и народъ, то въ качествѣ послѣдняго при поставленіи Максима участвовали подкупленные уличные бродяги. Въ одну темную ночь, когда св. Григорій лежалъ мучимый болѣзнію, епископы вмѣстѣ съ избирателями пришли въ храмъ Анастасіи. Начался обрядъ посвященія, который доведенъ былъ почти до половины, когда случайно объ этомъ узнали православные, посѣщившіе изгнать изъ храма недостойную толпу, собранную Максимомъ. Прерванный обрядъ былъ доконченъ въ хижинѣ какого-то флейтиста.

Св. Григорій, узнавъ объ этомъ. сильно скорбѣлъ. потому что опасался вреда, какой можетъ быть причиненъ его паствѣ этой исторіей, особенно при враждебномъ отношеніи къ нему еретиковъ. Немало также его смущало и то обстоятельство, что онъ довѣрился недостойному человѣку. Въ свое оправданіе онъ даже сказалъ слово противъ философа Ирона (т.-е. Максима); волненіе, возбужденное Максимомъ и его поставленіемъ, все-таки не прекращалось. Опечаленный этимъ, св. Григорій, не смотря на убѣжденія друзей, рѣшился тайно оставить Константинополь и о своемъ намѣреніи вскользь упомянулъ въ прощальной бесѣдѣ. Народъ, испугавшись его рѣшенія, слезно просилъ его остаться. Были употреблены все средства увѣщанія; народъ стоялъ въ церкви до самаго вечера, но св. Григорій оставался непреклоннымъ, пока кто-то изъ толпы не крикнулъ, что вмѣстѣ съ собою онъ изводитъ и Св. Троицу. Это предостереженіе, какъ слишкомъ страшное, сильно повліяло на св. Григорія и онъ обѣщаль на время остаться.—Между тѣмъ Максимъ былъ изгнанъ изъ Константинополя, изгнанъ изъ Фессалоникъ, куда онъ ѣздилъ искать покровительства Θεодосія, и наконецъ изгнанъ изъ Александріи, гдѣ онъ требовалъ отъ архіепископа Петра своего утвержденія на константинопольскомъ престолѣ.

Треволненія послѣднихъ дней сильно отразились на здоровьи св. Григорія и безъ того уже разстроенномъ. Для восстановленія упавшихъ силъ онъ ненадолго оставилъ шумную столицу и поселился въ небольшомъ домикѣ близъ моря. Уединенная жизнь, окружающая тишина и близость моря много способствовали усиленію его созерцательной настроенности, въ которой онъ находилъ отдыхъ и успокоеніе для своей души. Отъ чистаго морскаго воздуха укрѣплялись его тѣлесныя силы. Только любовь къ своей паствѣ и опасеніе, чтобы въ его отсутствіе ей не былъ причиненъ какой-либо

вредъ еретиками, заставили его покинуть свое тихое убожище и возвратиться въ Константинополь. Къ тому времени волненіе, причиненное дѣйствіями Максима, утихло. Скоро городъ былъ порадованъ и другимъ событіемъ. Императоръ Θεодосій, занятый войной съ варварами и съ самаго восшествія на престолъ не бывавшій въ столицѣ, въ концѣ ноября или декабря 380 года прибылъ въ Константинополь. Какъ истинный поборникъ православія, о чемъ особенно свидѣлствуетъ его указъ въ пользу православныхъ и противъ арианъ, Θεодосій прежде всего предложилъ арианскому епископу Демофилу или отказаться отъ арианства, или отречься отъ епископской кафедры. Демофилъ избралъ второе.

Насколько Θεодосій былъ строгъ по отношенію къ арианамъ, настолько же благосклонно онъ отнесся къ православнымъ. Призвавши къ себѣ св. Григорія, о трудахъ котораго онъ слышалъ много хорошаго, онъ принялъ его съ большимъ почетомъ и въ знакъ своей особенной милости отдалъ въ его распоряженіе главный константинопольскій храмъ св. Апостоловъ, который до того времени находился въ рукахъ арианъ. Весьма естественно, что ариане, узнавъ объ этомъ, пришли въ страшное негодованіе и можно было даже ожидать съ ихъ стороны вооруженнаго сопротивленія. Поэтому, въ день, назначенный для сдачи храма православнымъ, вокругъ храма по пути шествія императора были разставлены войска. Между шпалерами войскъ шли императоръ, св. Григорій и православное духовенство. Съ утра день былъ пасмурный, дулъ холодный вѣтеръ и ариане объясняли это въ свою пользу, какъ знакъ Божія неблаговоленія къ совершавшемуся дѣлу. Когда же процессія вступила въ храмъ и началось молебствіе, сквозь разступившіяся тучи ярко засіяло солнце. Православный народъ, тронутый этимъ зрѣлищемъ, просилъ императора довершить его радость на-

значеніемъ св. Григорія архіепископомъ константинопольскимъ. Но св. Григорій убѣждалъ народъ не спѣшить этимъ дѣломъ, и самъ императоръ считалъ нужнымъ нѣсколько обождать. Вскорѣ послѣ этого Θεодосій отдалъ въ распоряженіе св. Григорія и всѣ прочіе константинопольскіе храмы со всѣми ихъ имуществами и доходами, а равно и епископскій домъ, которымъ раньше пользовались аріане. Ударъ аріанамъ былъ нанесенъ страшный, потому что они послѣ 40-лѣтняго полнаго господства теперь не имѣли даже храмовъ, въ которыхъ могли бы совершить свое богослуженіе. Лишившись храмовъ, они по крайней мѣрѣ удержали разныя драгоценности и капиталы, принадлежавшіе храмамъ. Св. Григорію совѣтовали взыскать судебнымъ порядкомъ незаконно присвоенное аріанами имущество церквей, но онъ предпочиталъ предоставить святотатцевъ суду ихъ собственной совѣсти, чтобы своею всепрощающею любовію привлечь къ себѣ ихъ сердца.

Принявши на себя управленіе всѣми константинопольскими храмами, св. Григорій фактически сдѣлался архіепископомъ константинопольскимъ. Для полноты его полномочій недоставало только формальнаго утвержденія въ этомъ санѣ. И оно послѣдовало въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ этого сильно желали императоръ и народъ. Еще до каноническаго утвержденія императоръ возвелъ св. Григорія на константинопольскую кафедру, каноническое же утвержденіе состоялось на второмъ вселенскомъ соборѣ.

Въ 381 году императоръ Θεодосій созвалъ въ Константинополь второй вселенскій соборъ изъ 150 восточныхъ епископовъ, для установленія православнаго ученія о Св. Троицѣ и устройства нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлъ.¹⁾ Еще до прибытія египетскихъ и македон-

¹⁾ Необходимость созванія второго вселенскаго собора была вызвана важнѣйшими современными обстоятельствами. Аріанская ересь, не смотря на осужденіе ея на первомъ вселенскомъ и помѣстныхъ

скихъ епископовъ соборъ началъ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Мелетія Антиохійскаго, какъ самаго старѣйшаго изъ всѣхъ и доблестнаго по своей жизни. Первою заботою собравшихся епископовъ было признаніе незаконности поставленія Максима и отмѣна всѣхъ епископскихъ дѣйствій, какія только онъ совершилъ. Третьимъ постановленіемъ этотъ соборъ утвердилъ

соборахъ, не только не прекратилась, но еще болѣе усилилась и выдѣлила изъ себя нѣсколько новыхъ ересей. Константинопольскій епископъ, Македоній, основалъ ересь своего имени, называвшуюся еще Духоборческой и полуаріанской. Приближаясь къ воззрѣніямъ аріанъ, онъ училъ, что Сынъ Божій не *единосущенъ* съ Отцемъ, какъ учили православные, и не *подобенъ* Отцу, какъ училъ аріанскій епископъ Акакій, а *подобосущенъ*. Не довольствуясь и этимъ измышленіемъ и желая быть основателемъ вполне самостоятельной ереси, онъ сталъ утверждать, что Духъ Святой вовсе не имѣетъ единенія со Отцемъ и Сыномъ въ божествѣ и славѣ.—Еще болѣе заблужденія внесла ересь Аеція и Евномія, называвшаяся по имени послѣдняго. Евноміане отвергали и *единосущіе* и *подобосущіе*, а вводили *иносущіе*, уча, что Сынъ имѣетъ совершенно другое существо, чѣмъ Отецъ. По мнѣнію Евномія, Сынъ есть первая и превосходнѣйшая тварь Отца, а Святой Духъ созданъ Сыномъ прежде прочихъ тварей. Крестили евноміане не во имя Отца и Сына и Св. Духа, а *въ смерть Христа*.—Ариминскій соборъ, наконецъ, ввелъ третью форму аріанской ереси. Императоръ Валентъ, желая примирить православіе съ аріанствомъ, или, лучше сказать, дать законное основаніе аріанской ереси, предложилъ отцамъ ариминскаго собора отмѣнить слово *существо*, какъ не устремляющееся въ Писаніи и обозначающее своею новизною многихъ простыхъ людей. Сына же Божія онъ предлагалъ называть *подобнымъ* Отцу.—Эти ереси, съ прибавленіемъ къ нимъ Аполлинаріевой и другихъ, волновали церковь за все время царствованія Констанція, Юліана, Іовіана и Валента, потому что первый и послѣдній изъ этихъ императоровъ сами придерживались аріанскаго ученія, второй былъ язычникомъ, а третій ничего не могъ сдѣлать для православія въ свое слишкомъ краткое (семибѣсячное) правленіе. Положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Оеодосія, искренняго поборника православія. Для умиротворенія церкви и торжества православія онъ созвалъ второй вселенскій соборъ. Важнѣйшимъ дѣяніемъ этого собора было подтвержденіе Никейскаго символа, которымъ опровергалось аріанское ученіе всѣхъ толковъ, и слѣдующее дополненіе къ нему: «Господа животворящаго, исходящаго отъ Отца, вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ поклоняемаго и славимаго, изрекавшаго черезъ пророковъ. Въ единую святую, соборную и апостольскую Церковь; исповѣдуемъ одно крещеніе въ отпущеніе грѣховъ. Ожидаемъ воскресенія мертвыхъ, — и жизни будущаго вѣка. Аминь». Такимъ образомъ македоніанская ересь, о которой на первомъ вселенскомъ соборѣ не могло быть и рѣчи, этимъ опредѣленіемъ собора, была вполне отвергнута. Всѣ существовавшія ереси были преданы анаемѣ. Символь вѣры, установленный на второмъ вселенскомъ соборѣ, въ неизмѣнномъ видѣ сохраняется и до настоящаго времени въ православной церкви.

на константинопольской кафедрѣ св. Григорія. Къ великой радости народа, въ присутствіи императора, предсѣдатель собора вмѣстѣ съ другими епископами торжественно возвелъ его на константинопольскій престоль, а св. Григорій Нисскій привѣтствовалъ его краснорѣчивымъ словомъ. Мирное настроеніе собора, съ какимъ онъ началъ засѣданія, окончилось со смертью Мелетія, послѣдовавшей вскорѣ послѣ утвержденія св. Григорія въ санѣ константинопольскаго архіепископа. Смерть Мелетія и вопросъ о назначеніи ему преемника возбудили старые споры о замѣщеніи антиохійской кафедры. При добросовѣстности всѣхъ епископовъ эти споры были бы излишними, потому что преемникъ Мелетію былъ уже на лицо. Навлинъ былъ законно поставленъ на антиохійскій престоль, управлялъ имъ нѣсколько лѣтъ и только для блага Церкви, чтобы прекратить начинавшійся расколъ, уступилъ свое мѣсто престарѣлому Мелетію, чтобы по смерти его снова сдѣлаться антиохійскимъ архіепископомъ. Поэтому св. Григорій, занявшій на соборѣ предсѣдательское мѣсто Мелетія, настойчиво предлагалъ подтвердить права Навлина; но нѣкоторые восточные епископы изъ чувства непріязни къ западнымъ, ставленникомъ которыхъ былъ Навлинъ, хотѣли для Антиохіи избрать другого епископа. Когда св. Григорій убѣдился, что онъ не въ силахъ сломить упорство этихъ епископовъ, то онъ пересталъ являться на засѣданія собора и даже оставилъ свой архіепископскій домъ, надѣясь вскорѣ совершенно покинуть Константинополь. Отъ окончательнаго отреченія отъ кафедры онъ былъ удержанъ только слезными мольбами народа, не желавшаго разставаться съ любимымъ архіпапствомъ. Народные вопли были такъ сильны и трогательны, что св. Григорій, при всей непреклонности своего намѣренія, не устоялъ и на время остался въ Константинополь. Вскорѣ, однако, послѣдовали новыя осложненія дѣла, которыя заставили св. Григорія при-

ести въ исполненіе свое прежнее намѣреніе — удалиться изъ столицы.

Къ этому времени прибыли въ Константинополь египетскіе и македонскіе епископы, лично враждебные св. Григорію, такъ какъ онъ опровергалъ македоніанскія воззрѣнія, которыхъ они держались, и притомъ не одобрялъ египтянъ вслѣдствіе ихъ сомнительнаго поведенія въ дѣлѣ Максима. Кроме того они были недовольны, что соборъ былъ открытъ до ихъ прибытія. Поэтому тотчасъ же по пріѣздѣ въ Константинополь они начали интригу противъ св. Григорія. Основываясь на 15-мъ правилѣ никейскаго собора, гласившемъ, что епископы не могутъ быть переводимы съ одной каѳедры на другую, они называли назначеніе св. Григорія въ Константинополь неправильнымъ, такъ какъ онъ до этого считался епископомъ Сасимскимъ. Узнавъ объ этомъ и не желая быть предметомъ распри на соборѣ, который былъ созванъ для умиротворенія церкви, св. Григорій объявилъ собравшимся епископамъ, что онъ отказывается отъ константинопольской каѳедры, чтобы провести остатокъ дней своихъ въ уединеніи. Когда соборъ изъявилъ на это свое полное согласіе, св. Григорій отправился къ императору съ просьбою объ увольненіи съ занимаемаго имъ поста. Съ трудомъ и прискорбіемъ согласился императоръ исполнить его просьбу. Гораздо труднѣе было убѣдить народъ, готовый чуть не силою удержать св. Григорія въ Константинополь, такъ что св. Григорій долженъ былъ употребить всѣ средства убѣжденія, чтобы доказать бесполезность и даже вредъ этой мѣры. Передъ самымъ удаленіемъ, въ присутствіи всѣхъ съѣхавшихся на соборъ епископовъ и множества народа, онъ произнесъ краснорѣчивое слово, въ которомъ описывалъ свою константинопольскую дѣятельность и трогательно прощался съ любимыми лицами и мѣстами, особенно съ храмомъ Анастасіи. Горько плакалъ народъ, слыша прощальное слово удалявша-

гося архинастыря. Чтобы не видѣть этихъ слезъ, больно отзывавшихся на его душѣ, св. Григорій поспѣшилъ отъѣздомъ изъ Константинополя. Преемникомъ ему былъ назначенъ Нектарій, человекъ малосвѣдущій въ словъ Божіемъ и догматахъ вѣры, не умѣвшій отразить еретиковъ, не оказавшій особенной ревности о вѣрѣ и вообще не имѣвшій качествъ, необходимыхъ для константинопольскаго архіепископа. Слабость Нектарія особенно обнаруживается по сравненію его съ св. Григоріемъ.

Послѣдніе годы жизни св. Григорія.

И по удаленіи изъ Константинополя св. Григорій не переставалъ вспоминать покинутую имъ любимую паству и любезный его сердцу храмъ Анастасіи. Свою скорбь о разлукѣ съ этимъ храмомъ онъ поэтически выражаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. «Если когда-нибудь сердце мое забудетъ тебя, о Анастасія, или языкъ мой произнесетъ что-либо прежде твоего имени, то да забудетъ меня Христосъ» (т. IV, стр. 332). Также скорбѣлъ онъ и о своей бывшей паствѣ, особенно въ виду того, что настоящій ея пастырь не обладалъ качествами, нужными для борьбы съ еретиками, а потому еретики, пользуясь его слабостью, начали дѣятельную пропаганду своего ученія, которой въ свое время такъ успѣшно противоудѣйствоваль св. Григорій. Не ограничиваясь этими одними скорбными сѣтованіями, онъ, гдѣ можно и когда можно, принималъ и дѣятельное участіе въ современныхъ дѣлахъ церкви. Такъ, прежде всего онъ обратилъ вниманіе на родной Пазіансъ, который почти восемь лѣтъ оставался безъ епископа. Пользуясь этимъ, аполлинаристы свободно распространяли въ немъ свое еретическое ученіе и успѣли склонить на свою сторону не только некижншихъ мірянъ, но и нѣкоторыхъ изъ духовныхъ. Это тѣмъ болѣе должно было

огорчать св. Григорія, что назіанзинская церковь до сихъ поръ почти одна изъ всѣхъ осталась вѣрной православію, не смотря на тяжелыя времена господства аріанъ. Не обращая вниманія на слабость своихъ тѣлесныхъ силъ, онъ ревностно занялся ея устройствомъ: съ аполлинаристами была начата рѣшительная борьба, которая положила предѣлъ ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Эта тяжелая борьба, въ соединеніи съ личными неприятностями отъ кесарійскаго епископа Евлалія и интригами его сослуживцевъ, вредно отозвалась на слабомъ здоровьѣ св. Григорія, такъ что онъ сталъ усиленно просить снять съ него бремя управления назіанской церковію, назначивши для нея епископа. Просьба его наконецъ была уважена и въ Назіанзѣ епископомъ былъ назначенъ Евлалій, родственникъ св. Григорія, извѣстный строгостію жизни.

Такъ же усердно, какъ объ назіанской, св. Григорій заботился и о всей православной церкви. Въ ней также аполлинаристы получили особенную силу влѣдствіе того, что правительство и народъ, недостаточно ясно понимая ихъ лжеученіе, смотрѣли на нихъ довольно благосклонно. Но св. Григорій, видя всю ложь и весь вредъ ихъ ереси, считалъ нужнымъ бороться съ ними всѣми силами. Въ письмѣ къ Нектарію онъ совѣтовалъ обратиться къ императору съ просьбою принять противъ аполлинаристовъ такія же строгія административныя мѣры, какія употреблялись противъ другихъ еретиковъ. Кроме того онъ написалъ къ пресвитеру Кледонію два посланія, въ которыхъ разоблачилъ лжеученія аполлинаристовъ. Въ противовѣсъ аполлинаристамъ, часто распространявшимъ свое ученіе посредствомъ стиховъ, и св. Григорій написалъ противъ нихъ два стихотворенія.

Другимъ зломъ, отъ котораго тогда сильно страдала православная церковь, было несогласіе и раздоры пастырей церкви, особенно рѣзко и вредно обнаруживав-

иіеся на соборахъ. Такъ было и на константинопольскомъ соборѣ, съ котораго уѣхалъ св. Григорій. Когда обильныя словопренія этого собора долго не приводили къ какому-либо положительному результату, то императоръ Θεодосій двукратно приглашалъ св. Григорія пріѣхать на соборъ и умиротворить его и оба раза получалъ отказъ, мотивированный слабостью здоровія святителя. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ оказывать нравственное воздѣйствіе на водвореніе церковнаго мира. Къ его удовольствію, отцы собора закончили свои засѣданія, выработавши строго православныя правила вѣры, которыя сдѣлались обязательными для всей вселенской церкви.

Въ слѣдующемъ (383) году былъ созванъ помѣстный константинопольскій соборъ. И на этотъ разъ св. Григорій отказался отъ личнаго участія на соборѣ. взаимѣи чего написалъ письма префекту Постуміану и другимъ лицамъ, имѣвшимъ значеніе при дворѣ, чтобы они убѣдили императора принять строгія мѣры противъ еретиковъ. Съ такимъ же письмомъ онъ обратился и къ архіепископу Нектарію. Результатомъ его стараній было то, что указъ Θεодосія 378 года, остававшійся дотолѣ безъ исполненія, теперь былъ приведенъ въ дѣйствіе.

Не отказывалъ св. Григорій въ своей помощи и по частнымъ просьбамъ. Правительство по какимъ-то соображеніямъ ограничило права гражданъ Діокесаріи Каппадокійской. Діокесарійцы, особенно молодежь, возмутились противъ властей. Городу грозило лишеніе всѣхъ правъ и обращеніе въ деревню, не говоря ужъ о человѣческихъ жертвахъ. Устрашенные діокесарійцы обратились къ св. Григорію съ просьбою о заступничествѣ передъ правителемъ Каппадокійской области Олимпіемъ. Св. Григорій написалъ ему письмо, въ которомъ во-первыхъ, указывалъ, что не всѣ принимали участіе въ бунтѣ, а виновные раскаиваются, а затѣмъ

добавлялъ, что невелика будетъ ему слава, если городъ, который онъ нашелъ цвѣтущимъ, онъ оставитъ ~~послѣ~~ себя въ развалинахъ. Въ заключеніе онъ писалъ: «дай въ этомъ дѣлѣ такое опредѣленіе, какое можешь признать полезнымъ и для здѣшней славы и для тамошнихъ надеждъ». По ходатайству св. Григорія городъ былъ пощаженъ.

Въ другомъ случаѣ онъ заступился за невинно оклеветаннаго человека. Воспорій, епископъ Колоній, товарищъ св. Григорія по воспитанію, человекъ православныхъ убѣжденій и чистой жизни, былъ оклеветанъ въ ереси. Св. Григорій, хорошо знавшій, что это клевета, писалъ письма къ епископу константинопольскому Нектарію и епископу тѣанскому Θεодору и успѣлъ убѣдить ихъ въ православіи Воспорія. Фактъ этотъ помимо личнаго значенія для Воспорія имѣетъ значеніе и для всей церкви, потому что, оправдывая Воспорія отъ страшнаго обвиненія, св. Григорій избавилъ церковь отъ напрасныхъ смуть и одного лишняго соблазна.

Заботами о назіанзинской церкви, борьбою съ еретиками — аноллинаристами, косвеннымъ участіемъ въ дѣлахъ двухъ константинопольскихъ соборовъ, ходатайствомъ за діокесарійцевъ и оправданіемъ Воспорія исчерпывается послѣдняя общественная дѣятельность св. Григорія, о которой до насъ дошли какія-либо свѣдѣнія.

Наконецъ св. Григорій могъ успокоиться отъ изнурительныхъ трудовъ и всецѣло посвятить себя дѣламъ благочестія. Раздавши все наслѣдственное имѣніе бѣднымъ и оставивъ себѣ только родительскій домъ, дорогой по воспоминаніямъ, онъ проводилъ остатокъ своихъ дней въ покоѣ, среди мирной, немного пустынной, окружающей его природы, предаваясь благочестивымъ размышленіямъ, дѣламъ благотворительности въ самомъ широкомъ значеніи этого слова и другимъ христіанскимъ подвигамъ. Любвеобильный старецъ добрыми

совѣтами и милостивымъ участіемъ нерѣдко приходилъ на помощь немощному человѣчеству. Больные, страдающіе и скорбящіе находили у него утѣшеніе, слабые — поддержку, совратившіеся съ пути истиннаго — наставленіе. Никто не уходилъ отъ него, не получивъ того, въ чемъ особенно нуждался. Съ особенною сердечностію онъ относился къ немногочисленнымъ своимъ роднымъ. Про свои подвиги умерщвленія плоти онъ самъ говоритъ: «Ставлю преграду чреву, неудобобисцѣлимую скорбью изнуряю сердце и проливаю токи слезъ: преклоняю предъ Царемъ сокрушенныя колѣна, провожу ночи безъ сна, ношу печальную одежду... У меня ложе изъ древесныя вѣтви, постелью надежная власяница и пыль на полу, омоченная слезами» (т. IV, стр. 307—308). Свои благочестивыя размышленія и воспоминанія онъ выразилъ въ многочисленныхъ письмахъ и стихотвореніяхъ.

Такого святаго человѣка, очевидно, смерть не могла застать внезапно; онъ давно готовъ былъ предстать предъ лицомъ Небеснаго Судіи. 25 января 389 года онъ преставился въ Аріанзѣ и былъ погребенъ въ Назіанзѣ рядомъ съ родителями. Въ 950 году его нетлѣнныя мощи были перенесены въ Константинополь и поставлены въ церкви св. Апостоловъ близъ мощей св. Іоанна Златоуста ¹⁾.

¹⁾ О жизни и дѣятельности св. Григорія существуетъ довольно обширная литература. Арх. Агапиль, «Жизнь св. Григорія Богослова, архіеп. константинопольскаго и его пастырская дѣятельность». Спб. 1869. «Жизнь св. Григорія Богослова». Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ. 1843 г. ч. I, стр. 5—72. Фарраръ, «Жизнь и труды св. отцевъ и учителей церкви», пер. Лопухина. Спб. 1891 г. «Послѣдніе годы жизни св. Григорія Богослова». Христіанское Чтеніе. 1863 г. ч. II, стр. 147—193. «Св. Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій и Василій Великій, какъ проповѣдники». Духовная Бесѣда. 1874 г. т. II, стр. 92—96, 100—112, 121—128, 174—176. Варсовій, «Св. Григорій Богословъ, какъ проповѣдникъ». Христіанское Чтеніе. 1886 г. ч. II, стр. 322. Шалфеевъ, «Св. Григорій Богословъ, какъ учитель вѣры». Христіанское Чтеніе 1861 г. ч. I, стр. 265—324. «О характерѣ словъ св. Григорія Назіанскаго»

Значеніе личности св. Григорія и его дѣятельности.

Значеніе личности св. Григорія для всего христіанскаго міра и въ особенности для его современниковъ было очень велико, какъ объ этомъ можно судить по его громкой извѣстности на христіанскомъ Востокѣ. «Даже въ то время, какъ онъ, удручаемый старостію и болѣзнями, прибылъ въ родное село, бѣдный, одинокій, объ немъ говорили весь тогдашній міръ, его уважали цари, слушались епископы, благословляли народъ и боялись многочисленныя враги и завистники. Въ печальному уединенію знаменитаго старца были прикованы взоры и друзей и недруговъ, однихъ съ любовью и надеждою, другихъ съ ненавистью и опасеніями». Такъ говоритъ одинъ нашъ отечественный писатель ¹⁾, и слова его вполне подтверждаются біографіей св. Григорія. Еще болѣе св. Григорій былъ замѣтенъ, еще большею авторитетностью онъ пользовался въ то время, когда принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ церкви, особенно въ константинопольскій періодъ своего служенія. Тогда его слава была такъ велика, что бл. Иеронимъ, самъ будучи 50-лѣтнимъ старцемъ, самъ уже пользовавшійся широкой извѣстностью за ученость и краснорѣчіе, нарочно приходилъ къ нему изъ своего сирійскаго уединенія слушать его проповѣди и выражалъ по отношенію къ нему горячую любовь и глубокое уваженіе. Такое вниманіе вполне понятно по отношенію къ человѣку, который былъ однимъ изъ великихъ церковныхъ свѣтилъ прославленнаго четвертаго вѣка и отличался высокими душевными, умственными и нравственными качествами. О его выдающейся личности Руфинъ даетъ такой восторженный отзывъ: «Григорій, мужъ несравнен-

Воскресное Чтеніе. 1855—56 г. № 44, стр. 427—433. А. Порфирій, «О стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова». Труды Кіевской Духовной Академіи. 1863 г. т. I, стр. 398—430.

¹⁾ Христіанское Чтеніе. 1863 г. ч. II, стр. 148.

ный во всѣхъ отношеніяхъ, доставилъ блистательнѣйшій свѣтъ знанія церкви Иисуса Христа, показалъ ученіе, равное своей жизни. Ничего нѣтъ честиѣ и свѣтлѣ его жизни, извѣстиѣ его краснорѣчія, чище и правѣ его вѣры, полнѣе и совершеннѣе его знанія; онъ одинъ таковъ, что объ его вѣрѣ не могли спорить и несогласные между собою... Ясный знакъ, что не содержитъ правой вѣры тотъ, кто несогласенъ въ вѣрѣ съ св. Григоріемъ»¹⁾. Восторженный отзывъ Руфина не былъ преувеличеннымъ. Съ полнымъ основаніемъ онъ придаетъ такое большое значеніе православію вѣры и ученія св. Григорія, такъ какъ онъ былъ самымъ ревностнымъ борцомъ за православіе, а догматическое ученіе его отличалось такимъ совершенствомъ, что церковь, въ высшей степени строгая въ этомъ отношеніи, признала его своимъ ученіемъ, какъ самое ясное, самое точное и самое правильное выраженіе того, что кратко она исповѣдала въ своемъ символѣ. На этомъ основаніи Де-Броль патетически восклицаетъ: «мы находимъ въ немъ средоточеніе всего, что разбѣяно въ сочиненіяхъ Иларія, Василія и Аѳанасія... на немногихъ страницахъ и въ немногіе часы онъ соединилъ и закончилъ споръ цѣлаго столѣтія». За свое возвышенное богословствованіе о Св. Троицѣ св. Григорій еще въ глубокой древности былъ почтенъ названіемъ Богослова, которымъ раньше его назывался одинъ только св. апостоль и евангелистъ Іоаннъ. За глубину ученія св. Василій Великій называетъ его «кладяземъ глубокимъ» и «устами Христовыми», а другой Василій, арх. Кесарійскій X вѣка, называетъ его «умомъ» (νοῦς).

Не менѣе имѣютъ значенія и другія достоинства св. Григорія. Его краснорѣчіе прославлялось и древними и новыми писателями. Геропимъ называетъ его красно-

¹⁾ Руфинъ. Предисловіе къ книгамъ св. Григорія въ изданіи твореній св. Григорія. Billii, т. I, стр. 726—727.

рѣчивѣйшимъ. Его природный даръ слова былъ развитъ и усовершенствованъ въ лучшихъ риторскихъ школахъ того времени и преимущественно въ аѳинской, такъ что онъ сдѣлался настоящимъ знатокомъ, любителемъ и цѣнителемъ слова. Насколько высоко онъ ставилъ это слово, можно видѣть изъ его собственныхъ словъ. «Сей даръ (слово) приношу я Богу моему; это одно, что осталось у меня, чѣмъ богатъ я; только словомъ владѣю я, какъ служитель Слова; никогда не хотѣлъ бы я пренебрегать этимъ богатствомъ; я уважаю его, дорожу имъ, утѣшаюсь имъ болѣе, чѣмъ другіе утѣшаются сокровищами міра. Оно -- спутникъ всей моей жизни, добрый совѣтникъ и собесѣдникъ, вождь на пути къ небу и усердный сподвижникъ». Въ связи съ глубокими познаніями, которыя доставили ему большую славу еще во время пребыванія въ Аѳинахъ, его краснорѣчіе сдѣлалось въ высшей степени содержательнымъ. Поэтому въ Константинополѣ его проповѣди приходили слушать не только православные, но еретики и даже язычники и весьма нерѣдко результатомъ его мощнаго и убѣдительнаго слова было обращеніе многихъ еретиковъ въ православіе, а язычниковъ въ христіанство. Наконецъ, его чистая подвижническая жизнь, полная самоотреченія, христіанскаго смиренія и всепрощающей любви, производила впечатлѣніе и располагала къ нему даже враговъ, которые ни разу не видѣли, чтобы онъ когда-либо отметилъ имъ за все то зло, какое они ему причинили. Вообще это была личность обаятельная во всѣхъ отношеніяхъ.

Высокая личность ознаменовала себя и высокою дѣятельностью. Идеальный, умозерцательный, ревностный поборникъ православія, самоотверженный, чуждый мелкихъ интересовъ, св. Григорій всецѣло посвящалъ себя на служеніе Богу, церкви и обществу. Какъ посвященный Богу еще въ утробѣ матери, онъ служилъ Богу съ самаго ранняго дѣтства. Уже съ этого вре-

мени, по его собственному сознанию, на немъ лежала какая-то особенная печать избранія. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ говоритъ о голосѣ божественнаго Пастыря, «который онъ слышалъ отъ божественныхъ вѣщаній, которому онъ научился отъ своихъ благочестивыхъ родителей, которому научался одинаково во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, не руководясь никакими другими обстоятельствами и никогда не переставая изучать его». «Съ нимъ, говоритъ св. Григорій, я родился. и съ нимъ отойду съ земли». Служеніе церкви, началось со времени принятія священства и было богато важными послѣдствіями. Благодаря его усиліямъ, церковь назіанская сохранила православіе въ полной чистотѣ и неприкосновенности за все продолжительное время, какъ онъ управлялъ ею. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что тогда всюду процвѣтало аріанство, поддерживаемое правительствомъ, и самъ императоръ Валентъ специально пріѣзжалъ въ Назіанзъ для утвержденія тамъ аріанства. Еще значительнѣе была его дѣятельность въ Константинополѣ, гдѣ торжеству православія его проповѣди содѣйствовали больше, чѣмъ императорскій указъ Θεодосія. Въ самомъ дѣлѣ, съ его стороны было величайшимъ подвигомъ, что маленькая православная община, лишенная церкви и пастырей, при враждебномъ отношеніи къ ней окружающихъ, въ непродолжительное время не только сравнялась съ многочисленнымъ обществомъ аріанъ, но и превзошла его. Также ревностно и успѣшно онъ боролся за православіе и послѣ удаленія изъ Константинополя, когда напелъ въ назіанзинской и другихъ церквахъ сильное распространеніе ереси Аполлинарія. Вообще ревность его служенія церкви была безмѣрна: гдѣ только можно и насколько позволяло его слабое здоровье, онъ служилъ ей всѣми своими выдающимися талантами. Охотно служилъ онъ и обществу, когда въ немъ была какая-нибудь нужда. Сколько разъ онъ своимъ заступничествомъ

спасать города отъ наказанія, сколько разъ приходилъ на помощь нуждающимся, всегда утѣшалъ отчаявавшихся, наставлялъ неразумныхъ. Его благословляли всѣ, кто когда-либо обращался къ нему съ своими нуждами.

Наконецъ, велико и нравственное его значеніе, какъ христіанскаго правоучителя, у котораго все ученіе проицнуто мыслию, что правое поведеніе приводитъ къ истинному знанію. Употребляя всѣ усилія для водворенія единства и мира противъ господствовавшаго духа партійности, онъ совѣтуетъ: «не быть мудрѣе, чѣмъ право, не быть болѣе законными, чѣмъ законъ, болѣе свѣтлыми, чѣмъ свѣтъ, болѣе православными, чѣмъ православіе и болѣе высокими, чѣмъ божественная заповѣдь; но быть искренними, избѣгать крайности и брать себѣ въ руководство природу и разумъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «основные члены христіанской вѣры, безъ которыхъ не могутъ существовать христіане, суть законъ, пророки, завѣты, милосердіе, воспитаніе, страданія Христа, новое рожденіе, апостолы, евангелисты, даръ Св. Духа, вѣра, надежда, любовь, озареніе и наконецъ—и всего важнѣе—познаніе Отца, Сына и Св. Духа. Это есть самое существенное».

Многоразличная и многоплодная дѣятельность св. Григорія частію выражалась посредствомъ многочисленныхъ его твореній.

О твореніяхъ св. Григорія Богослова.

Обстоятельства происхожденія твореній св. Григорія и величіе ихъ.

Свой великій даръ краснорѣчія и поэтическаго творчества св. Григорій примѣнилъ въ составленію многочисленныхъ произведеній, изъ которыхъ до нашего времени сохранилось 45 проповѣдей, 4 посланія къ разнымъ лицамъ, 157 стихотвореній, 238 писемъ и 30 надгробій. Изъ этого обширнаго литературнаго матеріала первенствующее значеніе принадлежитъ *проповѣдямъ* св. Григорія, какъ самымъ звѣлымъ и содержательнымъ его произведеніямъ. Писались онѣ по разнымъ поводамъ, такъ какъ св. Григорій пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать свое слово, а такихъ случаевъ было немало въ церковной, общественной, частной и личной его жизни.

Первымъ крупнымъ событіемъ церковной жизни, которое особенно сильно повліяло на св. Григорія, было воцареніе Юліана Отступника и воздвигнутое имъ гоненіе на христіанство. Хотя это гоненіе не сопровождалось кровавыми преслѣдованіями, однакоже разными притѣвленіями, насмѣшками и въ особенности запрещеніемъ христіанскимъ учителямъ преподавать въ школахъ, Юліанъ причинилъ настолько большой вредъ церкви, что ревнитель христіанства, св. Григорій не могъ отнестись равнодушно къ этому прискорбному факту.

и написать два пространныхъ обличительныхъ слова «на царя Юліана», въ которыхъ далъ оцѣнку его жизни и дѣятельности.

Еще большій вредъ, чѣмъ Юліаново гоненіе, припело церкви аріанство, 40 лѣтъ пользовавшееся покровительствомъ императоровъ. За это продолжительное время, аріанское ученіе широкою волною разлилось и всей восточной церкви, вслѣдствіе чего число православныхъ значительно сократилось. Въ особенности это было замѣтно въ столицѣ, гдѣ аріанство и другія ереси, выродившіяся изъ него, господствовали всецѣло къ соблазну и ущербу для небольшого общества православныхъ. Первымъ противодѣйствіемъ этому, съ цѣлю утвердить истинное ученіе, со стороны св. Григорія было слово: «О поставленіи епископовъ и догматъ св. Троицы». На ряду съ процвѣтаніемъ еретическихъ ученій св. Григорій замѣтилъ въ Константинополѣ и другое вредное для церкви явленіе. Не только еретики, въ родѣ эвноміанъ, построившихъ свою систему на діалектическихъ основаніяхъ, отрицавшихъ непостижимость самыхъ возвышенныхъ предметовъ вѣры, не исключая и существа Божія, и потому свободно трактовавшихъ о Св. Троицѣ и о Лицахъ Божества въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, — но и сами православные всякаго званія и состоянія, во всякое время, на всякомъ удобномъ и неудобномъ мѣстѣ обсуждали христіанскіе догматы, какъ обыденные вопросы. Этимъ путемъ церкви наносился двойной вредъ: во-первыхъ, терялось уваженіе къ догматамъ, когда они становились предметомъ праздныхъ разсужденій, а во-вторыхъ, подрывался авторитетъ православія, когда противъ ученыхъ, искусныхъ въ діалектикѣ критиковъ выступали необразованные и неискусные православные. Чтобы положить предѣлъ бесполезнымъ и вреднымъ словопреніямъ и въ то же время дать истинное ученіе о догматѣ Троичности, которымъ бы опровергалось еретическое ученіе объ

этомъ предметѣ. св. Григорій произнесъ свои знаменитыя пять словъ о богословіи. Съ принятіемъ его ученія, изложеннаго въ этихъ словахъ, дѣлались излишними всякіе споры о Св. Троицѣ. Со словами о богословіи отчасти сходны и по предмету и по степени достоинства слово: «О соблюденіи добраго порядка при собесѣдованіи и о томъ, что не всякій и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ», а также слово: «Противъ аріанъ и о самомъ себѣ». Къ догматическимъ же произведеніямъ относится и его слово: «Въ память мучениковъ и противъ аріанъ».

Св. Григорій входилъ не только въ церковныя, но и во всякія другія нужды своихъ пасомыхъ. Всякій разъ, какъ нужно было утѣшить ихъ, или же ходатайствовать за нихъ передъ властями, св. Григорій оказывалъ имъ большую помощь своимъ дѣйственнымъ словомъ. Памятникомъ такихъ его отношеній къ назіанцамъ служатъ три проповѣди: «Слово послѣ того, какъ градъ опустошилъ поля»; «Слово, говоренное встревоженнымъ жителямъ Назіанза и прогнѣванному начальнику (по поводу назіанзискаго бунта)» и «Слово Юліану, производившему народную перенесъ и уравненіе податей».

Кромѣ того, онъ написалъ пять правоучительныхъ словъ (одно о любви къ бѣднымъ, три—о мирѣ и одно о бракѣ и дѣвствѣ по св. Матѣ. XIX, 1—12), шесть словъ праздничныхъ (на Рождество, на святыя свѣты явленій Господнихъ (6 января), на Святое Крещеніе (7 января), на Пятидесятницу, «въ недѣлю новую—на весну», на св. Пасху); четыре надгробныхъ (въ память своего отца, Кесарія, Горгоніи и св. Василия В.) и четыре похвальныхъ (св. Аѳанасію, Кипріану, философу Прону (Максиму) и Маккавеймъ). Остальныя двѣнадцать словъ носятъ частный характеръ и большинство изъ нихъ написаны по поводу особенно выдающихся событій собственной жизни св. Григорія.

Почти всё эти слова были написаны св. Григоріемъ до удаленія изъ Константинополя (до оставленія константинопольской кафедры). Послѣ того онъ написалъ только два слова, а между тѣмъ современныя обстоятельства побуждали его принять самое дѣятельное участіе въ борьбѣ съ врагами Церкви. Ересь Аполлинарія, тѣмъ болѣе опасная, что лжеученіе ея было недостаточно еще понято и опровергнуто, не только утвердилась въ Назіанзѣ, но распространилась и по всему Востоку, охвативъ и константинопольскую церковь. Ревностный поборникъ православія отозвался и на эту церковную нужду. Оставивши почти совсѣмъ церковное ораторство, которымъ раньше онъ такъ побѣдоносно опровергалъ еретиковъ, и въ то же время считая борьбу съ ересью крайне необходимой, св. Григорій началъ ее посредствомъ *посланій* и *стихотвореній*.

Изъ четырехъ сохранившихся посланій три (одно къ Нектарію, архіепископу константинопольскому, и два къ назіанзинскому пресвитеру Кледонію) направлены противъ еретиковъ-аполлинаристовъ, или побуждая къ энергичной борьбѣ съ ними, какъ въ посланіи къ Нектарію, или же раскрывая ихъ лжеученіе, какъ въ посланіяхъ къ Кледонію. Четвертое посланіе къ Евагрію носитъ общедогматическій характеръ и трактуетъ о Божествѣ.

Точно также и среди стихотвореній очень многія направлены противъ разныхъ ересей и Аполлинаріевой въ частности. Таковы всё стихотворенія, называемыя у него таинственными: «О началахъ», «О Сынѣ», «О Св. Духѣ», «О мірѣ», «О Промыслѣ», «Объ умныхъ сущностяхъ», «О душѣ», «О человѣческой природѣ», «О человѣческой добродѣтели». Борьба съ еретиками посредствомъ стихотвореній объясняется тѣмъ, что и сами ересіархи, въ цѣлихъ бѣльшаго привлеченія слушателей, распространяли свое лжеученіе въ стихотворной формѣ: Арій напр. составилъ «Θαλίю», македоніане — «Новый За-

вѣтъ», аполинаристы — «Новую Псалтирь» и т. д. — Кроме догматическихъ, св. Григорій писалъ еще стихотворенія правоучительныя, историческія и автобіографическія.

Въ проповѣдяхъ, посланіяхъ и стихотвореніяхъ св. Григорій былъ одинаково великъ. Главное величіе всѣхъ его твореній прежде всего заключается въ возвышенности ихъ содержанія, такъ какъ на всѣхъ ихъ лежитъ отпечатокъ высокой личности самого св. Григорія, который былъ великимъ мыслителемъ и богословомъ, глубоко-религіознымъ и высоко-правственнымъ человѣкомъ. Поэтому отличительными качествами его рѣчей, по выраженію нашего отечественнаго писателя, были: «особенная торжественность, священное величіе, духовная власть или пророческая смѣлость»; Филаретъ присоединяетъ къ этому еще «возвышенность и силу мыслей и пламенность чувства». Этими свойствами его проповѣдей объясняется то вліяніе, какое онъ производилъ на слушателей. Посланія его кроме того пронизаны мягкимъ тономъ, а стихотворенія творческимъ вдохновеніемъ. Содержанію вполне соотвѣтствовало и виѣшнее изложеніе.

Изложеніе твореній св. Григорія, ихъ главный предметъ и внутренній характеръ.

По изложенію всѣ проповѣди св. Григорія, за исключеніемъ одной на толкованіе Св. Псалія, представляютъ изъ себя ораторскія рѣчи, составленныя по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства. Такихъ именно рѣчей всего естественнѣе ожидать отъ человѣка, учившагося въ лучшихъ школахъ краснорѣчія, не исключая и прославленной аѣинской, бывшаго ораторомъ по призванію и направлявшаго свои рѣчи къ грекамъ, исконнымъ любителямъ и цѣнителямъ ораторскаго слова. Если же ораторскія достоинства замѣтны во всѣхъ его пропо-

вѣдахъ, то въ лучшихъ изъ нихъ, особенно въ нѣкоторыхъ отрывкахъ, «его рѣчь полна истинно ораторской силы и жизненности, мысли слѣдуютъ одна за другой въ быстрыхъ и разнообразныхъ, остроумныхъ комбинаціяхъ, въ рѣчи сильной и плодотворной; сравненія всегда удачны и умѣстны, чувства проповѣдника дышатъ истинною и глубокою искренностію, живостью, неподдѣльностію чувства» (Барсовъ). Св. Григорій такъ высоко цѣнилъ ораторскіе приемы рѣчи, что иногда придавалъ имъ даже преувеличенное значеніе, вслѣдствіе чего искусственность его рѣчи дѣлалась особенно замѣтной, или же въ стремленіи возможно больше украсить свою рѣчь онъ отвлекался отъ главнаго предмета рѣчи. Но и этотъ недостатокъ его рѣчей, по словамъ пр. Барсова, былъ скорѣе излишкомъ достоинства, чѣмъ настоящимъ недостаткомъ. Кромѣ того, этотъ недостатокъ незамѣтенъ въ другихъ произведеніяхъ, а письма его, можно сказать, были лучшими произведеніями словесности. Въ изложеніи св. Григорія есть, затѣмъ, еще одна черта, которая дѣлаетъ его особенно привлекательнымъ и вліяющимъ на слушателей. Будучи не только искуснымъ ораторомъ, но и поэтомъ, св. Григорій придавалъ своимъ произведеніямъ замѣтный поэтическій колоритъ. Въ дополненіе ко всему этому нужно сказать, что въ лучшихъ его произведеніяхъ языкъ — классическій, языкъ художника слова, какимъ несомнѣнно былъ св. Григорій, обращавшій большое вниманіе на выработку языка. Такъ же серьезно относился св. Григорій и къ внутренней сторонѣ своего изложенія, наблюдая за ясностію, точностію и послѣдовательностію рѣчи, за правильностію оборотовъ, выраженій и т. д. Поэтому ни одну изъ своихъ рѣчей онъ не произнесъ экспромтомъ, но каждую предварительно тщательно обрабатывалъ, чтобы ни одинъ изъ его слушателей, по враждѣ ли къ нему, или же по греческой привычкѣ подмѣчать всѣ неправильности рѣчи, не могъ

упрекнуть его хотя бы за одно какое-нибудь выражение. Искусства и осмотрительности въ выборѣ выражений требовалъ также и главный предметъ его рѣчей. Въ нихъ св. Григорій прежде всего и преимущественно является богословомъ, раскрывающимъ высокія догматическія истины и въ частности сокровеннѣйшій догматъ о Св. Троицѣ. Свойство же догматовъ таково, что малѣйшая неточность или неправильность ведетъ за собою крупныя послѣдствія. Затѣмъ, довольно важный предметъ его рѣчей составляютъ нравственныя истины, гдѣ также требуется такая форма, которая всего убѣдительнѣе побуждала бы слушателя къ выполнению правилъ морали. Соответственно предмету опредѣляется и внутренній характеръ его рѣчей — догматико-правоучительный, какъ преобладающій, существенно важный и опредѣляющій ихъ значеніе.

Значеніе твореній св. Григорія Богослова.

Значеніе твореній св. Григорія, какъ и значеніе его дѣятельности, было очень велико для своего времени, потому что всѣ важнѣйшіе результаты его дѣятельности обуславливались преимущественно его твореніями. Если православіе, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, возродилось въ Константинополѣ во время пребыванія тамъ св. Григорія, если сильное распространеніе Аполлинаріевой ереси было парализовано въ назіанзинской и другихъ церквахъ, то все это было сдѣлано св. Григоріемъ при посредствѣ его твореній, въ которыхъ онъ изобличалъ еретическія заблужденія, раскрывалъ истинное ученіе и тѣмъ самымъ способствовалъ торжеству православія надъ ереями.

Но значеніе твореній св. Григорія не ограничивается только временемъ, когда онъ жилъ, и мѣстами, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Многія изъ нихъ не только сохранили свое значеніе до нашего времени, но будутъ сохранять его

и надолго впередъ. Таковы прежде всего его догматическія творенія, въ которыхъ онъ излагаетъ ученіе о Троицѣ. Въ виду полнаго совершенства этого ученія св. Церковь издревле признала его своимъ, какъ вполне выражающее церковную истину и служащее опроверженіемъ всѣхъ ученій и мнѣній, несогласныхъ съ этой истиной. Слѣдовательно, православный христіанинъ за всѣ времена, пока будетъ существовать православная Церковь, долженъ вѣровать въ Св. Троицу такъ, какъ училъ объ этомъ св. Григорій. Съ другой стороны, какъ при жизни св. Григорія его ученіе противопоставилось еретикамъ-аріанамъ, со всѣми подраздѣленіями и отбѣнками ихъ ересею, такъ и во все послѣдующее время оно можетъ быть направлено противъ евреевъ, магометанъ, еретиковъ-антитринитаріевъ и всякаго рода рационалистовъ, отрицающихъ церковное ученіе о Св. Троицѣ. На этомъ основаніи св. Іоаннъ Дамаскинъ руководствовался въ своемъ изложеніи вѣры главнымъ образомъ ученіемъ св. Григорія. Доводы св. Григорія въ доказательство троичности, какъ вполне вѣскія и отвѣчающія самому существу дѣла, сохраняютъ свою силу убѣдительности и донныиъ, такъ что и современные богословы могутъ всегда при помощи ихъ бороться съ противниками ученія о Троицѣ. Отъ этого богословская наука всѣхъ христіанскихъ странъ включила его ученіе въ свои догматическія системы.

Какъ догматическія творенія важны потому, что даютъ уроки вѣры, такъ нравоучительныя имѣютъ значеніе за уроки высокой нравственности, заключающіеся въ нихъ. По обилію въ нихъ нравственныхъ истинъ о милосердіи къ бѣднымъ, о мирѣ, о церковномъ единствѣ, о бракѣ, дѣвствѣ и т. д. и по силѣ выраженнаго въ нихъ чувства, они могутъ дать христіанину самое назидательное чтеніе.

Наконецъ, творенія св. Григорія имѣютъ и литургическое значеніе. Многія мѣста изъ его твореній вошли

въ церковныхъ ибени, какъ напр. въ службѣ на Пасху слова: «Воскресенія день, просвѣтима людие! Пасха Господня, Пасха». «Очистимъ чувства и узримъ» и пр. «На божественной стражѣ богоглаголивый Аввакумъ да станеть съ нами» и пр. «Вчера согребохся Тебѣ, Христе, совозстаю днесь, воскресну Тебѣ» и пр. «Сей нареченный и святыи день, едины субботъ царь и господь, праздниковъ праздникъ» и пр. Въ канонѣ на Рождество Христово весь прмось: «Христось раждаетя, славите»... взятъ изъ слова св. Григорія.

Въ виду такого большого и разносторонняго значенія, творенія св. Григорія всегда пользовались и пользуются самымъ высокимъ уваженіемъ въ Церкви Христовой. Съ давнихъ поръ они были предметомъ самаго внимательнаго изученія и весьма многихъ толкованій. Еще при жизни св. Григорія ихъ стали переводить на другіе языки.

Изданіе твореній св. Григорія.

Творенія св. Григорія въ первый разъ были издапы Вилліемъ (50 словъ, 237 писемъ и 158 стихотвореній) на латинскомъ и греческомъ языкѣ въ Парижѣ, въ 1630 году. Затѣмъ они были издапы Бенедиктинскими монахами въ Парижѣ, въ 1778 и 1842 гг. и наконецъ помѣщены въ «Патрологіи» Миня (т. 35—37).

Русскій переводъ всѣхъ сочиненій св. Григорія сдѣланъ Московскою духовною академіею; издавъ въ Москвѣ въ 1843—48 годахъ, въ 6-ти томахъ.

Содержаніе твореній св. Григорія можно найти въ статьѣ пр. Шафеева: «Св. Григорій Богословъ, какъ учитель вѣры»; въ сочиненіи Филарета, архіепископа Черниговскаго: «Историческое ученіе объ отцахъ церкви», а также въ святоотеческой хрестоматіи М. Поторжинскаго, гдѣ цѣликомъ помѣщено первое, предварительное слово о Богословіи и въ отрывкахъ слово о

любви къ бѣднымъ и слово на пятидесятницу. Также отрывочно, но съ соблюденіемъ порядка догматическихъ системъ, содержаніе твореній св. Григорія приводится въ святоотеческой хрестоматіи прот. П. Благоразумова. Цѣликомъ приведена часть 3-го слова, трактующая о священствѣ.

Въ нашемъ изданіи, кромѣ этихъ незначительныхъ преимущественно проповѣдическихъ отрывковъ, по возможности будутъ помѣщены всѣ важнѣйшія творенія св. Григорія изъ всѣхъ родовъ ихъ, чтобы дать возможность познакомиться съ такими произведеніями св. Григорія, которыя сохраняютъ свое значеніе и для настоящаго времени по своимъ догматическимъ или же нравоучительнымъ достоинствамъ. Догматическія творенія съ нѣкоторыми сокращеніями будутъ помѣщены всѣ, а изъ нравоучительныхъ — важнѣйшія.

И. Р.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу: www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru